
ОГОНЁК
№ 9 ФЕВРАЛЬ 1957
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Смена полевого караула.

Фото Е. Марченко и Е. Удовиченко.

На первой странице обложки: Участницы конференции писателей стран Азии: индийская поэтесса Амрита Притам (слева) и узбекская поэтесса Зульфия (см. в номере «Конференция в Дели»).

Фото А. Софронова.

На последней странице обложки: Суворовцы Куйбышевского училища на привале во время похода (см. в номере «Мы из Куйбышевского суворовского»).

Фото М. Савина.

ОГОНЁК № 9 (1550) 24 ФЕВРАЛЯ 1957

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

35-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

В единстве наша сила

...В Большом Кремлевском дворце гремели аплодисменты. Москвичи приветствовали заявление Председателя Совета Министров Народной Республики Болгарии Антона Югова, который на митинге в Кремле сказал: «Нам трудно найти слова, чтобы выразить глубокую любовь болгарского народа к народам Советского Союза, его горячее стремление к тому, чтобы дружба и сотрудничество с советским народом изо дня в день все более крепли и процветали».

Дружба! Она прочно связывает болгарский и советский народы, плечом к плечу стоящие в рядах социалистического лагеря. Яркой демонстрацией этой дружбы был каждый день пребывания в Советском Союзе Правительственной делегации Народной Республики Болгарии во главе с товарищем Антоном Юговым. В состав этой делегации входили Первый секретарь ЦК Болгарской коммунистической партии товарищ Тодор Живков и другие выдающиеся деятели народной Болгарии. Всюду: в МГУ, на Московском авиационном заводе, на митинге в Кремле — болгарских товарищей встречали как самых дорогих гостей, как самых верных друзей.

Переговоры между Правительственными делегациями Советского Союза и Народной Республики Болгарии, проходившие в духе искренней сердечности, показали полное единство мнений по всем вопросам как советско-болгарских, так и международных отношений. Это было закреплено в подписанной 20 февраля Декларации о переговорах Правительственных делегаций Советского Союза и Народной Республики Болгарии.

Одновременно в Москве состоялись переговоры между делегациями Коммунистической партии Советского Союза и Болгарской коммунистической партии. В Заявлении об этих переговорах отмечается, что традиционные чувства любви и дружбы между народами СССР и Болгарии и обеими коммунистическими партиями продолжают крепнуть и развиваться.

Дружба народов Советского Союза и Болгарии имеет долгую историю. Теперь в историю этой дружбы вписана новая славная страница.

На снимке: 19 февраля 1957 года. Товарищ Антон Югов выступает на митинге дружбы между народами Советского Союза и Народной Республики Болгарии.

А. Гостева.

В ГРОЗНЫЕ, НЕЗАБЫВАЕМЫЕ ДНИ

23 февраля — большой праздник всего советского народа, День Советской Армии и Военно-Морского Флота.

В. И. Ленин — создатель наших Вооруженных Сил; имя его неразрывно связано с первыми годами их существования, со всеми победами Советской Армии в гражданской войне.

Старые коммунисты Н. В. Ерушев и К. Е. Трегубенков рассказали корреспонденту журнала «Огонек» о своих встречах с Владимиром Ильичем в те грозные, незабываемые дни.

Человек с ружьем

Рассказ Николая Васильевича Ерушева

В Центральном музее Советской Армии лежит под стеклом серая солдатская папаха с красной лентой наискосок. Шапка эта моя. Она была на мне без малого сорок лет назад, когда в октябре 1917 года ехал я с Западного фронта в Петроград на II съезд Советов. Нынче ее оберегают как ценный экспонат, боятся, чтобы не запылилась, чтобы мех не пожелтел. А тогда она вся в копоти была. Ехать-то пришлось по-всякому: и в тамбуре и на буферах. А больше всего на крышах теплушек, прижавшись к трубе. Главная забота — не попасться на глаза заградительным отрядам Керенского. Они рыскали по станциям в поисках дезертиров. И делегат-большевик явился бы для них неплохой добычей. Правда, у меня было с собой подделанное полковыми писарями «командировочное удостоверение», в котором значилось, что я еду «по делам службы». Но стоило лишь вспороть подкладку моей шинели, как оттуда посыпались бы десятки резолюций солдатских митингов против войны. Там же была спрятана красная лента. Я прикрепил ее к шапке, как только прибыл в Петроград.

А подоспел я туда в самую пору, в канун восстания. В Смольном, в комнате на первом этаже, где регистрировались большевики, мне вместе с мандатом вручили винтовку и патроны. Я, как и многие другие делегаты, прибывшие с фронта, был направлен в сводный отряд, готовившийся брать Зимний. Так что нам не довелось присутствовать на первом заседании, открывшемся 25-го. Прежде, чем попасть на съезд, мы побывали в царском дворце...

Наш отряд в ожидании сигнала стоял на Петроградской стороне, у Народного дома. А там, в Народном доме, шел спектакль. Давали «Бориса Годунова», пел Шаляпин. И мы, солдаты, матросы, красногвардейцы, бегали по очереди в зал слушать оперу. Билетерши безропотно пропускали нас. Войдешь тихонечко, на цыпочках, послушаешь минут пять — и обратно. Шаляпин и не ведал, наверное, что поет для бойцов революции, собирающихся штурмовать Зимний.

Мы шли на дворец во втором эшелоне. Когда мы, спустившись с моста, свернули на набережную, мимо нас в Петропавловскую крепость провели под конвоем министров Временного правительства... Ночевали мы в Зимнем. Я спал на полу почти у самого царского трона, подложив под голову папаху. А утром делегаты съезда, штурмовавшие дворец, отправились пешком через весь город в Смольный. Там мы узнали, что Ленина не было в первый день на съезде: он руководил восстанием.

Второе заседание началось вечером 26-го. Об этом историческом заседании написано немало книг. Оно изображено на многих картинах советских художников. Между прочим, одна из этих картин принадлежит моей кисти. Я ведь после гражданской войны был командирован как имеющий способности к рисованию на учебу во Вхутемас, который и закончил, получив диплом живописца... Моя картина «II съезд Советов» как-то была на выставке. Там нарисовано все так, как подсказала мне моя память. Среди делегатов, протиснувшихся вплотную к сцене, на которой стоит Ильич, я изобразил и солдата Ерушева. Это соответствует действительности. Мне, помнится, и в самом деле удалось пробраться к самым подмосткам, сколоченным из свежих, еще пахнувших смолой сосновых досок. Я находился в каких-нибудь трех — четырех шагах от Ленина, провозглашавшего декларацию о мире.

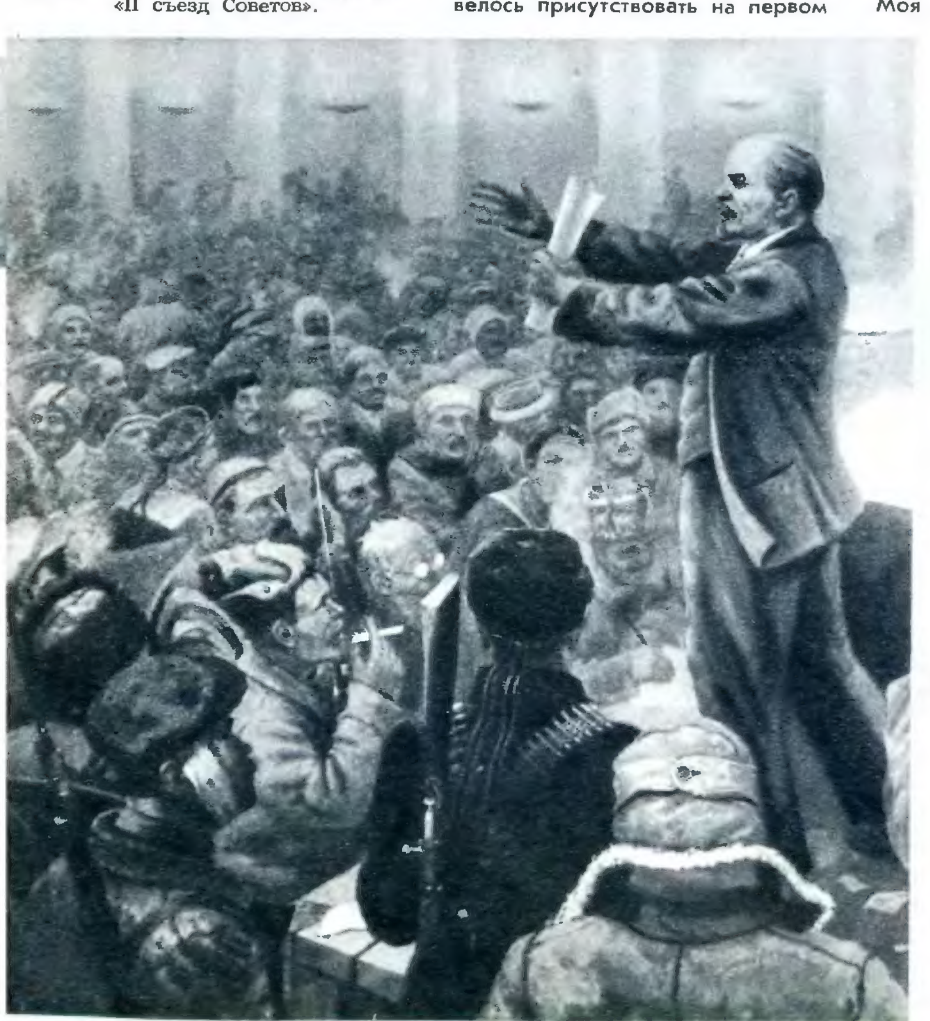
Эта декларация, которая, после того, как ее принял съезд, стала первым декретом Советской власти, была особенно близка нам, фронтовым делегатам. Каждая ее строчка отвечала нашим думам и помыслам. По духу своему, по содержанию она была похожа на те солдатские резолюции против войны, которые я привез с собой с фронта. Когда шло голосование декрета, мы вскидывали вверх руку с винтовкой. Винтовкой голосовали мы за мир...

Делегаты-фронтовики жили тут же, в Смольном. На третьем этаже в длинном полутемном коридоре были устроены для нас деревянные нары вдоль стен. За день намаешься, а ночью все равно не спится. Лежим, курим, балакаем, кто о чем. А больше всего про землю, про деревенскую жизнь. Шинели-то на всех солдатские, а души под шинелями крестьянские. Иной спит и во сне все про то же бормочет: «Скотинушка... землица... хлебушко...»

Лежим, помню, вот так на нарах во вторую или третью ночь после съезда, с боку на бок ворочаемся, а сон не идет в глаза, никак не заснуть. Накурено, душно. А тут еще сосед мой, бородатый рязанец, стонет, кряхтит. Ногу натер, вот она и саднит. «Слушай,— говорю,— давай полечу. Я способ один знаю». Размотал рязанец портянку. Гляжу, вся пятка у него содрана, как только ходит человек! «Братцы,— обращаюсь к соседям, — нет ли у кого немного сальца?» Протягивают. Вынул я из вещевого мешка свечку, зажег, поднес к ней кусок сала. «Давай,— говорю,— рязанец, ногу...»

И тут замечаю, что все как-то притихли вокруг. Оглянулся — ахнул. Ленин, оказывается, подошел неслышно, присел на корточки, руками уперся в колени и глядит на мое занятие. «Что это вы, товарищ, делаете?» — спрашивает. Кто-то из солдат и отвечает: «Тут, товарищ Ленин, сибиряк рязанца лечит». «И как же вы лечите?» — обращается ко мне Ильич. Объясняю, говорю, что горячего сала на ссадину накапать — наипервейшее средство. Этому меня еще в деревенской кузне обучили, когда я молотобойцем работал. «Но ведь здесь не сельская кузница,— хмурится Ленин,— а столица...» И тут же к рязанцу: «Разрешите, товарищ, взглянуть на вашу рану... Ого, как это вас так угораздило? Немедленно к врачу! Да, да, немедленно. Внизу имеется медпункт. Вам сделают там перевязку. Знаете, как туда пройти? А лучше — идемте-ка вместе. Я покажу вам дорогу. Мне как раз по пути. Идемте, идемте...» И, взяв прихрамывающего рязанца под руку, Ильич уводит его. Когда оба скрываются за поворотом, кто-то из делегатов говорит раздумчиво: «Вот это мужик! Свойский, нашенский. От солдатской портянки носа не воротит»...

Пробыли мы в Питере с неделю, а может, чуть подольше. Охраняли Смольный, патрулировали по городу. Кое-кому довелось даже под Гатчиной побывать, в бою против войск Керенского... Но подошло время — и в отъезд. Нужно было возвращаться в свои части. Отправляли делегатов организованно, группируя по принципу, кому с какого вок-

Фрагмент картины Н. В. Ерушева «II съезд Советов».

зала. Нас, отбывающих с Витебского, собралось в комнате, где выдавали проездные документы, человек сорок. Тут и рязанец, которого я «лечил». Стоим в шинелях, с вещевыми мешками за плечами, с винтовками, да еще у каждого по объемистой пачке листовок с декретами о земле и мире. Ждем Ленина, который, как нам сказали, хочет попрощаться с отъезжающими. Вот, наконец, дверь распахивается, и стремительно входит Ильич. Заметил моего рязанца, узнал и сразу к нему: «Ну, как ваша нога, товарищ?» А тот отвечает: «Нормально, товарищ Ленин. Я уже и забыл, какая болела, левая или правая...»

Оглядев всех нас и увидев пачки листовок, Владимир Ильич сказал:

«Хорошо, что вас успели снабдить этим самым сильным, самым нужным сейчас оружием. Наши декреты должны дойти до сердца каждого солдата, рабочего, крестьянина, должны привлечь на сторону революции миллионы людей... Но и это оружие,— он показал на винтовку,— не кидайте, берегите. Оно еще пригодится. Революция свершена, но нужно отстоять, защитить ее от всяких посягательств империалистов. Нам не обойтись без армии, и мы создадим эту новую, невиданную армию, рабоче-крестьянскую армию. Вы, фронтовые, опаленные порохом солдаты-большевики, составите ее основное ядро, ее костяк... До свидания, товарищи! Передайте привет всем солдатам. Счастливого вам пути!»

И он по очереди попрощался со всеми за руку. Кажется мне, что и поныне ладонь моя хранит прикосновение мягкой, теплой ленинской руки...

Толстая пачка листовок, которую я вез, быстро растаяла в пути. У меня их расхватали в вагонах, на станциях. В часть я привез лишь несколько штук, и они сразу же пошли по рукам... Вскоре началась демобилизация. Я вернулся домой, на Алтай. В уезде все бурлило, клокотало. Землю у помещиков отобрали, земство было разогнано. Шли митинги, собрания, выбирали делегатов на губернский съезд Советов. Выбрали и меня. После съезда я остался в Барнауле, работал в военном комиссариате. Недавно был издан декрет о создании Красной Армии, и мы формировали у себя в губернии первые ее отряды. Не хватало оружия, снаряжения. Мы собирались написать об этом в столицу. Но тут объявили о созыве IV Чрезвычайного Всероссийского съезда Советов, и я поехал в Москву в составе алтайской делегации. Товарищи дали наказ: достать оружия! Не думал я, что мне придется говорить по этому поводу с самим Лениным.

А произошло это так. У меня было с собой письмо к Якову Михайловичу Свердлову от его друга по ссылке Цаплина, работавшего в нашей алтайской партийной организации. Но мне долго не удавалось передать Свердлову послание. Человек деятельный, всегда перегруженный работой, он и во время съезда был неуловим. Мелькнет метеором в фойе, бросишься к нему навстречу, ан нет, уже окружен людьми, уже не подойти. Но все же я как-то перехватил его в перерыве и сунул письмо. Он тут же надорвал его и стал читать. Я не отходил, полагая, что Свердлову захочется что-то передать Цаплину. Вот так мы стояли у окна, как вдруг за спиной раздался знакомый, не раз звучавший на съезде голос: «Яков Михайлович, от кого получили весточку?» Это был Ленин. «Да вот, Владимир Ильич,— сказал Свердлов,— товарищ привез мне привет из Барнаула».

«Вы с Алтая? — повернулся ко мне Ленин.— Как вы там живете? Как с хлебушком?» Вот так покрестьянски и сказал: «с хлебушком». «Хлеба,— говорю,— у нас много, Владимир Ильич, можем весь мир накормить... А вот оружия нет». Он прищурился, внимательно, строго посмотрел на меня. «Весь мир, говорите? Нет, это нам пока не под силу. Россию бы досыта накормить... И обуть. Вот задача! — Помолчал секундочку, спросил: — А что у вас с оружием?» Я рассказал, что нам почти нечем вооружать новые армейские формирования. Нет современных ружей, одни только берданки. И пушек бы хоть с десяток получить. Со снаряжением тоже скверно... Ленин задумался, словно что-то прикидывая в уме, делая какой-то подсчет. Потом коротко взмахнул рукой, как отрезал: «Дадим!» И, обернувшись к Свердлову, добавил: «Яков Михайлович, хоть у нас и туго с этим, но Алтай нельзя оставить без оружия. Сделайте соответствующее распоряжение». В это время прозвенел звонок, и Ленин со Свердловым пошли в президиум.

Всю гражданскую войну я провел на Алтае, дрался с колчаковцами, с интервентами, партизанил. А о том, как сложилась моя судьба после войны, я уже говорил: стал художником.

В. И. Ленин среди делегатов X съезда партии — участников штурма Кронштадта.

В 1921-м

Рассказ Кузьмы Егоровича Трегубенкова

Владимира Ильича Ленина я видел и слышал на X съезде партии в марте 1921 года. Я был делегатом этого съезда от партийной организации Приамурской области, входившей в состав молодой, год назад созданной Дальневосточной республики.

Ехали мы в Москву долго, недели три, и времени хватало, чтобы поразмыслить, помечтать, перебрать в памяти события последних лет. А вспомнить было что. В мою партийную биографию входили уже и красноярская белогвардейская тюрьма, куда я угодил как председатель первого Минусинского Совета, и колчаковский концентрационный лагерь, и подполье в занятом японцами Владивостоке, и побег к партизанам в Приамурье, и бои за Хабаровск...

У остальных делегатов-дальневосточников, да и сибиряков, присоединившихся к нам в пути, тоже были за плечами и тюрьмы, и подполье, и бои. Многие из них прежде не были знакомы между собой, а по дороге подружились. Я лично очень сблизился с Иваном Коневым, командиром действовавшего в Забайкалье бронепоезда, будущим маршалом. Нам с ним не раз приходилось патрулировать по ночам возле вагонов

с делегатами, когда поезд подолгу стоял где-нибудь на разъезде. Патрули мы вынуждены были выставлять потому, что поезд шел местами, где еще не утихли контрреволюционные восстания, и можно было всякого ожидать.

Хоть и считалось, что гражданская война вроде бы и закончена, но время еще стояло беспокойное. Помню, в Екатеринбурге мы купили на перроне свежую местную газету и прочитали напечатанное на первой странице сообщение о мятеже в Кронштадте. Конев тогда сказал мне: «Чую, Кузьма, быть нам с тобой под Питером». Он как в воду глядел.

Но вот мы в Москве. Помылись, побрились, поели досыта, отдохнули и явились на первое заседание съезда часа за два до начала. Хотели места поближе занять, чтобы Ленина лучше видеть. Но оказались не самыми хитрыми. Многие за три, за четыре часа пришли. И мы очутились уже где-то в середине зала. Сидим, ждем Ильича. На сцене у стола с красной скатертью начали появляться люди. Кто присел, кто стоит, беседуют между собой. Это, наверное, члены ЦК. Всматриваемся: Ленина как будто нет среди них. Потом на сцену вышел еще кто-то, еще... Потом невысокий человек в зимнем пальто с барашковым воротником, в шапке-ушанке разделся, пальто повесил на спинку стула, в один карман засунул кашне, в другой — шапку, сел у левого края стола, заговорил с кем-то. Где же Ленин? Оборачиваюсь к соседу, бывавшему на прежних съездах, спрашиваю: «Чего же это товарищ Ленин запаздывает?» «Как, — говорит, — запаздывает?! Вон он сидит! — И показывает на человека, сидящего за столом с левого края.— Разве не похож на портреты?» Вглядываюсь — и в самом деле Ильич...

Во время заседаний съезда злобой дня был Кронштадт. Развернувшиеся там события волновали нас. В руках мятежников была первоклассная крепость, были корабли, артиллерия. Восставшие рассчитывали продержаться до тех пор, покуда Финский залив вскроется ото льда и к Кронштадту смогут подойти иностранные эскадры... Первая попытка подавить мятеж не удалась. Наши части, штурмовавшие крепость, были отброшены вражеской артиллерией. Над красным Петроградом снова сгустились тучи... Мы, делегаты из разных краев страны, старались выразить своим питерским товарищам всяческое сочувствие, но понимали, конечно, что этого недостаточно. Словом, настроение у нас было невеселое.

А Ильич сказал о кронштадтских событиях так:

«Я не имею еще последних новостей из Кронштадта, но не сомневаюсь, что это восстание, быстро выявившее нам знакомую фигуру белогвардейских генералов, будет ликвидировано в ближайшие дни, если не в ближайшие часы».

И все мы, слушавшие его, поняли, что в голове Ильича уже созрел какой-то план, в успех которого он твердо верит.

Наша дальневосточная делегация жила в 3-м Доме Советов. Возвращались мы со съезда поздно и еще долго не ложились, беседуя, делясь впечатлениями. Да и улегшись, не сразу умолкали. Как-то часа в два ночи лежим, разговариваем, кое-кто посапывает. Вдруг входит старейшина нашей делегации, взволнованный, возбужденный. «Вставайте,— говорит, — товарищи, есть внеочередное сообщение». И рассказывает, что сейчас в Кремле с ними, старейшинами всех делегаций, беседовал Ленин. Принято решение о посылке части делегатов съезда на штурм Кронштадта. По мысли Ильича, они должны поднять боевой дух в полках, готовящихся брать крепость, должны сцементировать эти полки. Пусть каждая делегация выделит несколько человек. Повскакав с постелей, мы тут же открыли запись добровольцев. Ехать хотели все. Начались споры. Кто-то высказал благоразумную мысль, что, если все делегации отправятся в Кронштадт в полном составе, съезд придется закрыть. А он должен работать. Проспорив, прошумев до утра, мы наконец составили список человек на десять. Попали в это число и мы с Коневым. А на другой день поезд уже увозил нас, триста делегатов, в Петроград. Оттуда — в Ораниенбаум, где сосредоточивались штурмовые войска.

Кронштадтская операция подробно и не раз описана.

Лишь вернувшись в Москву, мы осознали, что, собственно, произошло, какой подвиг совершен. Представьте себе тысячи бойцов в белых маскировочных халатах, бегущих по льду залива навстречу слепящим их прожекторам, навстречу огневому шквалу, от которого некуда укрыться, ибо нет ни холмов, ни окопов, ни самой крошечной кочки, а есть лед, гладкий лед до горизонта, есть полыньи от снарядов...

Нас уехало из Москвы триста. Вернулось меньше. Мы не поспели к последнему заседанию съезда. Он закончился 16 марта, а мятеж был подавлен в ночь на 18-е.

Ленин собрал на беседу всех делегатов-«кронштадтцев». Ильич сказал, что подавление кронштадтского мятежа — огромная победа, что он благодарит нас от лица всей партии, которая не забудет этой героической страницы своей истории. «Враг разбит,— сказал, как сохранила моя память, Ленин,— но это не значит, что наше социалистическое отечество не может больше оказаться в опасности. Мы должны быть готовы ко всему. Мы обязаны беречь и укреплять нашу армию...»

Потом мы все вышли на улицу, чтобы сфотографироваться с Ильичем. Естественно, каждому хотелось быть поближе к нему. Но не всем это удалось. Даже храбрейший Ян Фабрициус оказался на этот раз не на «передовой линии», а где-то в заднем ряду. Зато молодому делегату, кажется, волжанину, с перевязанной рукой и двумя орденами Красного Знамени, прикрепленными прямо к шинели, повезло: Ильич заметил его и пригласил стать рядом...

Эта фотография находилась со мной в бою под Волочаевкой, где я был комиссаром и удостоился ордена Красного Знамени.

Она была со мной в Сталинграде, где я работал секретарем парткома, а затем директором тракторного завода и получил орден Ленина.

Она была со мной все эти годы, напоминая мне о самой счастливой минуте в моей жизни — о встрече с Ильичем.

НАГРАЖДЕНЫ ЛУЧШИЕ ИЗ ЛУЧШИХ

«Коммунистическая партия вывела узбекский и таджикский народы на большой, светлый путь лучшей жизни, и они уверенно идут этим путем». Так говорил К. Е. Ворошилов, обращаясь к передовым труженикам сельского хозяйства Узбекистана и Таджикистана, удостоенным высоких правительственных наград.

В полной мере это относится ко всем братским народам, входящим в дружную советскую семью. Вслед за тружениками сельского хозяйства Узбекистана и Таджикистана награждены орденами и медалями колхозники, работники МТС и совхозов, специалисты, партийные, советские, профсоюзные и комсомольские работники Туркменской ССР, Киргизской ССР и Молдавской ССР. Всего награждено по этим трем республикам свыше 8 300 человек. За особо выдающиеся успехи присвоено звание Героя Социалистического Труда 91 человеку. Второй золотой медалью «Серп и Молот» награждены председатели колхозов Бояр Овезов, Оразгельды Эрсарыев, Хайтахун Таширов, звеньевая Суракан Кайназарова.

На снимке: Председатель Президиума Верховного Совета СССР К. Е. Ворошилов прикрепляет золотую медаль «Серп и Молот» Герою Социалистического Труда Садыку Турениязову — бригадиру колхоза имени Орджоникидзе, Шаббазского района, Кара-Калпакской АССР.

Фото М. Савина.

КОЛХОЗНЫЙ НАКАЗ КАНДИДАТУ

Колхозники Красно-Полянского района, Московской области, встретились с кандидатом в депутаты районного Совета по Бибиревскому избирательному округу № 51 председателем колхоза «Красная нива» И. В. Григорьевым.

Тридцатитысячник Григорьев пришел в этот колхоз два года назад. С тех пор краснонивцы производят в пять — шесть раз больше продовольствия,— мяса, молока, яиц и овощей.

Выступления избирателей явились наказом колхозному кандидату в депутаты.

Фото С. Фридлянда.

Пусть крепнет наше сотрудничество

Г-н А. Шализи.

День ото дня расширяются культурные связи Советского Союза с дружественным Афганистаном. Советские люди с интересом встречают выход книг по истории и литературе Афганистана; афганские зрители награждают аплодисментами советские фильмы, демонстрирующиеся в кабульских кинотеатрах, радушно встречают советских актеров.

Недавно в Москву приехал заместитель директора департамента печати Афганистана г-н Абдусаттар Шализи. Вместе с ним прибыла группа деятелей культуры, которые принимают участие в работе над документальным фильмом «Афганистан», снятым советскими кинооператорами.

Корреспондент «Огонька» побывал у г-на Шализи. Это было в канун тридцать шестой годовщины советско-афганского договора о дружбе.

— Я очень рад,— говорит г-н Шализи,— что мне предоставляется возможность поделиться своими мыслями с уважаемыми читателями «Огонька». Миру необходим мир. Только в условиях мира народы смогут добиться осуществления своих мечтаний. Для прочного мира необходимы дружба, взаимоуважение и невмешательство во внутренние дела. Тридцатишестилетние отношения между Советским Союзом и Афганистаном — лучший пример этому. Афганское правительство и народ высоко ценят эту дружбу. Я надеюсь, что дружба между нашими государствами будет расти с каждым днем.

В течение последнего столетия афганский народ все силы тратил на борьбу с захватчиками, храбро защищая свободу и независимость своей родины. Сегодня Афганистан хочет в условиях мира осуществить то, чему мешали колонизаторы: пойти вперед по пути прогресса. Для ликвидации отсталости нам необходима финансовая и техническая помощь дружественных государств, не содержащая каких-либо предварительных обязательств. Афганское правительство и народ ценят помощь Советского Союза и считают ее символом дружбы между нашими странами.

В своей внешней политике Афганистан следует принципам мира и свободы. Народ Афганистана от всего сердца поддерживает решения Бандунгской конференции, которые лежат в основе политики правительства.

С давних времен наша страна имеет хорошие, дружеские отношения с Советским Союзом, и мне еще раз хочется пожелать, чтобы дружба эта развивалась с каждым днем.

Кабул. На огромной площади Чаман-е-Хузури проходят состязания певцов, танцоров, борцов. Судей нет — победу присуждают сами зрители.

Фото Юл. Семенова.

Совсем недавно в стране начались разработки угля в районе Каркяра. Афганские горняки направляются на работу.

Фото Б. Шера.

ГЛАШАТАЙ ДРУЖБЫ

Двадцать пять лет назад, 15 февраля 1932 года, в Чехословакии вышел первый номер иллюстрированного журнала «Свет совету». С тех пор по сей день «Свет совету» выступает горячим пропагандистом дружбы двух братских народов — советского и чехословацкого.

Журнал поставил своей целью «дать каждому читателю конкретное, по возможности живое и цельное представление о жизни и труде в СССР». Он выступил с поддержкой деятельности созданного незадолго до выхода журнала «Союза друзей СССР в Чехословакии».

«Свет совету» быстро завоевал популярность у читателей. Уже тогда в журнале сотрудничали такие выдающиеся общественные деятели, как Юлиус Фучик и

Зденек Неедлы, писатели Ярослав Кратохвил и Елена Малиржова, и другие. На страницах его выступали и крупные общественные деятели и простые рабочие, побывавшие в СССР.

Ни частые конфискации, ни запрещения продажи журнала в газетных киосках не смогли уничтожить «Свет совету». Благодаря самоотверженной работе «Союза друзей» и добровольных разносчиков журнал всегда попадал в руки читателя.

В 1938 году, когда над Чехословакией нависла фашистская угроза, «Свет совету» вместе со всей прогрессивной печатью борется против капитулянтов, за прочный союз с СССР, против фашизма. За это после мюнхенской капитуляции изменническое правительство Чехословакии запрещает журнал. Но и в дни фашистской оккупации чехословацкие патриоты бережно сохраняли номера «Свет совету», в которых говорилось о несокрушимой силе первого социалистического государства — Советского Союза. И это придавало им новые силы в борьбе против гитлеровцев.

В 1945 году, когда фашизм был разгромлен Советской Армией, журнал снова начал выходить в свет. Из ежемесячного он стал еженедельным, его тираж вырос в несколько раз, число его читателей стало быстро расти. Идеи прочной чехословацко-советской дружбы, о которых говорит журнал, встречают горячий отклик у народа Чехословакии.

На обложке журнала «Свет совету», в левом верхнем углу, изображен чехословацкий «Орден труда». В 1955 году президент Чехословацкой Республики наградил журнал этим орденом за заслуги в укреплении чехословацко-советской дружбы.

Ян БУРЕШ,
главный редактор журнала «Свет совету».

Прага.

На «Базаре Восточного спокойствия». Покупают цветы к Празднику весны.

Фото Ян Цзы-и.

Праздник весны

В эту ночь в городе никто не спал. На улицах, во дворах, в домах зажглись цветные фонари, и из каждой квартиры слышались веселые голоса и смех. На рассвете во всех концах города одновременно вспыхнули ракеты, послышались взрывы хлопушек. Улицы заполнились шумными толпами. Так пекинцы встречали Праздник весны.

По старому лунному календарю, который существовал около четырех тысяч лет, Китай в эти дни встречал Новый год. Это самый большой традиционный народный праздник. Сейчас в Китае существует общепринятый календарь. Но обычай встречать Новый год по лунному летосчислению сохранился: теперь это Праздник весны.

В нынешнем году природа не посчиталась с праздником весны: в Пекине выпал снег и ударили морозы. Тем не менее все гуляющие вышли на улицы с букетами цветов.

По обычаю, на дверях каждого дома были наклеены листки цветной бумаги со стихами. В них, как правило, высказываются пожелания долгой и счастливой жизни. К традиционным надписям прибавились иероглифы, которые можно встретить повсюду: «Мир и дружба» — два самых популярных в Китае слова.

В пекинском небе можно было видеть множество голубей. Я думал, что это живые птицы. Но когда присмотрелся, то оказалось, что это бумажные голуби, сделанные детьми и пущенные на тонкой веревочке, как запускаются бумажные змеи.

Праздник весны — всеобщий праздник. Три дня никто не работает. Но углекопы Китая решили в эти дни работать. Они знают, что страна очень нуждается в топливе, поэтому шахтеры отдыхали лишь один из трех дней. Китай получил дополнительно 450 тысяч тонн угля. Таков был подарок углекопов родине.

Праздник весны завершился веселым праздником фонарей в первое полнолуние февраля. В эту ночь вновь зажглись фонари и вновь началось веселье, на сей раз прощальное.

М. МЕРЖАНОВ,
специальный корреспондент «Огонька».

Пекин.

Зерно для Египта

У пятого причала Одесского порта бросил якорь пароход «Челюскинец», чтобы принять около 7 тысяч тонн отборной пшеницы для Египта.

Погрузка «Челюскинца» была закончена на шесть с половиной часов раньше срока.

Прощаясь с моряками парохода, портовики просили их передать горячий привет мужественному народу Египта.

Редакция многотиражной газеты «Одесский портовик».

Грузчики бригады Федора Попова загружают зерном трюмы парохода «Челюскинец».

Репортаж с венгерской границы

Дьердь КОВАЧ

Два пограничных шлагбаума, будка часового и снежные, кажущиеся бескрайними просторы. Вот что открылось перед моими глазами этим морозным февральским утром.

Австро-венгерская граница. Здесь ее переходили венгры, которые покидали родину. Что, если бы сейчас все они стояли тут. где стою я? Куда бы они ступили? В сторону родины или в чужую страну? Лишь один шаг — и потеряно все, что свято, все, ради чего стоит жить: родина, семья, работа... Куда бы они шагнули?

Я отправляюсь к ближайшей пограничной заставе вместе с провожатым — старшим лейтенантом Ференцем Сигетвари. Он рассказывает:

— Днем и ночью на заставе большое движение... Часть беженцев отправлена из Австрии в США, Англию, Францию, Швейцарию и другие страны. Значительная часть выехала туда, боясь ответственности за участие в контрреволюции, другие бродят по свету, надеясь на помощь своих зарубежных знакомых. Многие, главным образом молодежь, оставили страну в поисках приключений. Однако большинство — это сбитые с толку, обманутые люди, безрассудно убежавшие на чужбину. Их много — десятки тысяч. И теперь они возвращаются домой.

Большой зал заставы переполнен самыми «свежими» гостями. В комнату входит молодой паренек — это ученик кузнеца Янош Барица. 30 ноября он убежал из страны.

— Почему? — спрашивает капитан-пограничник.

— Потому что уходили мои друзья. Нас было пятеро...

Он говорит, что познакомился с этими друзьями в школе танцев. Только позднее узнал, что двое из них уже сидели в тюрьме. Они звали его уехать вместе с ними, говорили, что на Западе будут авто, легкий заработок, женщины и все, что только можно пожелать.

— Тогда почему вы вернулись обратно?

— Потому что все это оказалось ложью.

И он рассказывает о том «новом мире», в который он попал. Они жили в лагере, откуда им нельзя было выходить. Работу получить можно было только тяжелую: на шахтах, ремонте дорог или пастухом в деревне.

— С чего вы хотите начать новую жизнь дома?

— Я хочу работать. На собственной шкуре я убедился, что дома лучше!

Так говорят все. Они ошиблись. Несколько недель, проведенных на чужбине, открыли им глаза на действительность. С горечью говорят они об «обетованном Западе».

В комнату входит молодая женщина. Ее зовут Ференцэ Шаркези. Она из Фельшесольнока.

— Почему вы ушли?

— Все бежали.

На руках у нее маленькая девочка, ей месяцев пятнадцать. Капитан задумчиво смотрит на малышку.

— И вы не пожалели ребенка? Так безрассудно отправились с ней в холод, в мороз?

— Я очень раскаиваюсь...

Следующий, Михай Фехер, житель Ижака, собирался перейти границу, но его задержали в поезде. Он говорит, что хотел лишь поглядеть на Австрию, а затем вернуться домой. Фехер путается, пытается что-то объяснить, по глазам видно: боится чего-то.

Капитан, опрашивающий беженцев, устал. Его работа требует большого напряжения.

— Люди хлынули обратно на родину. В день через одну только нашу заставу возвращается 100—150 человек. Их было бы больше, да вот транспортные средства недостаточны. Многие воспользовались постановлением правительства об амнистии тем, кто вернется до 31 марта. Шестнадцать тысяч уже вернулись домой. И каждый говорит, что вернутся и остальные.

Открывается дверь, входит маленький пограничник.

— Товарищ капитан, разрешите войти!

— Пожалуйста.

С лица капитана вдруг исчезает усталость. Он улыбается и дружески разговаривает с мальчиком.

Такого солдата я еще никогда не видел. Ему лет 12—13. Одежда его пригнана точно по фигуре, а вот сапоги номера на два больше, чем следовало бы. Капитан, видя мое изумление, улыбается.

— Это наш сын. Представься, Пишта.

— Есть! Я пограничник Иштван Моноштори.

История того, как Пишта очутился здесь, полна трагизма. Семья Пишты Моноштори жила в Будапеште на улице Шорокшари. Во время кровавой контрреволюции маленький Пишта как-то пошел за едой. Когда он вернулся домой, квартира была разрушена, родителей он нигде не нашел.

Мальчик в ужасе бегал по улицам и плакал. Случайно он наткнулся на группу контрреволюционеров, которые дали ему оружие. Десять дней Пишта стрелял. Конечно, когда петля начала стягиваться вокруг бандитов, они бросили мальчика. На велосипеде Пишта двинулся по дороге, ведущей к границе. Проехав двести километров, недалеко от границы он свалился без чувств. Так Пишта попал к пограничникам.

— Хочешь остаться у нас? — спросили его.

— Да.

С тех пор, приблизительно уже два месяца, он сын заставы. Мальчик очень счастлив и хочет стать офицером.

В начале репортажа я поставил вопрос: куда бы теперь ступили отсюда те, кто покинул Венгрию? Верю и знаю, что большинство из них были бы счастливы вернуться обратно. И вернутся!

Будапешт.

Ученик кузнеца Янош Барица.

Фото Пал Гайдар.

Нет спокойствия в Ирландии

Вот эту рекламу поместил английский журнал «Пикчур пост». Реклама звала англичан в Ирландию, где «девушки так красивы», где «пляжи прекрасны, как всегда», где можно «найти счастье и спокойствие».

Не так давно 700 англичан отправились в Ирландию — в ее северную часть, которая называется Ольстер и принадлежит Англии. Но путешествие, предпринятое ими, не было путешествием туристов, привлеченных рекламой. В Ольстер по приказу английского правительства отправились 700 солдат и офицеров 61-го полка королевской полевой артиллерии. Вместе с этим полком численность английских вооруженных сил (не считая полиции) в Северной Ирландии достигла 3 500 человек.

Английские войска и полиция развертывают карательные действия против участников борьбы за освобождение Ольстера, которые требуют, чтобы шесть северных графств Ирландии были воссоединены с независимым государством Эйре.

Находящаяся в подполье организация — Ирландская республиканская армия (ИРА) совершает налеты на полицейские участки, разрушает коммуникации, вступает в перестрелку с полицией и войсками. Английские власти отвечают на это усилением охоты за националистами, арестами.

В Эйре, где правительство выступило против движения за освобождение Северной Ирландии, растет недовольство. Критика действий правительства вынудила его назначить новые выборы в парламент.

...Нет, остров Ирландия далек от той идиллии, которая изображена на рекламе в «Пикчур пост»!

После налета на полицейский участок в Деррилине.

Английские солдаты во время охоты на участников борьбы за освобождение Ольстера.

Фото из английских журналов «Сфир» и «Пикчур пост».

КОНЕЦ МАЛЯРИИ

В большом зале Сочинского горкома партии происходила сессия городского Совета.

Слово получил старейший депутат, заведующий малярийной станцией, врач Соколов Сергей Юрьевич.

— Товарищи депутаты! — сказал он. — Разрешите доложить: в истекшем 1956 году впервые в истории города Сочи и его окрестностей не было ни одного случая заболевания малярией. Малярия — в недалеком прошлом грозный бич наших мест — совершенно исчезла!..

Аплодисменты прервали речь Сергея Юрьевича.

Жизнь восьмидесятилетнего врача — пример служения народу. В 1918 году по заданию Наркомздрава он боролся с сыпным тифом на Урале. Сам заболел, но как только поднялся с койки, вновь явился в Наркомздрав республики. Позднее опытного и преданного Советской власти врача назначают заведующим Туапсинским курортным районом.

С 1923 года Соколов посвящает себя борьбе с малярией. Вот как это началось.

Вызывает он как-то свою помощницу, а ему говорят:

— Заболела. Малярия.

Через несколько дней малярия уложила в постель еще четырех сотрудников. Ряд опытных и нужных курорту работников бежал с побережья. Участились и случаи досрочного отъезда из санаториев и домов отдыха больных. Малярией болели почти поголовно все местные жители. Страшная болезнь сводила на нет усилия курортологов.

Что делать? Если не оздоровить край, не ликвидировать малярию, не будет в этих чудесных местах курорта, рассуждал Сергей Юрьевич.

Он приступил к организации противомалярийных станций в Туапсе, Геленджике, Новороссийске, Анапе, Сочи.

Соколов создает стройную систему борьбы с малярийным комаром, привлекает к этой борьбе проектировщиков и строителей города-курорта Сочи, работников почвоукрепительных и коммунальных организаций, лесозаготовителей и дендрологов. Он разводит в озерах и на болотах гамбузию — чудесных живородящих рыбок, которые питаются личинками малярийных комаров.

Для борьбы с малярийным комаром были использованы все известные средства, год от года комаров становилось меньше и меньше. И вот теперь на Сочи-Мацестинском курорте нет комаров, нет и малярии.

За самоотверженное выполнение своего долга врач Соколов награжден орденами Ленина, Трудового Красного Знамени, несколькими медалями. Сергею Юрьевичу Соколову присвоено почетное звание заслуженного врача РСФСР.

И. ЗАЙЦЕВ

С. Ю. Соколов.
Фото Г. Васильева.

Из почты «Огонька»

Вера Ивановна и Александр Васильевич Островские.

Поздравляем с «золотой свадьбой»!

В Ленинграде в одной квартире со мной проживает семья Островских. Александр Васильевич и его жена Вера Ивановна празднуют «золотую свадьбу».

Такие это хорошие, трудолюбивые люди, с такой теплотой относятся друг к другу, так любят их все знакомые, что очень хотелось отметить это важное событие в жизни Островских.

Александр Васильевич, которому исполнилось 75 лет, с 12 лет работает. Большое горе принесла этой семье война: погибли сын, зять, внучка. Вера Ивановна находила утешение в том, что добровольно пошла сестрой в госпиталь, ухаживала за ранеными воинами.

Жизнь Островских—хороший пример для нашей молодежи.

О. МУДРОВА

У них есть родители

Два года назад на Донецкой железной дороге чьи-то злые руки подбросили в вагон пригородного поезда грудного младенца.

Подкидыша взяла на воспитание семья дежурного по вокзалу станции Красный Лиман Коровченко, не имевшая своих детей. Краснолиманский загс оформил удочерение.

Светловолосая девчурка, которую назвали Таней, нашла в этой семье настоящее счастье.

Некоторое время спустя у Николая Федоровича и Евдокии Романовны Коровченко созрело решение взять еще одного ребенка на воспитание. Так в их семье появился семидневный Сережа, мать которого умерла после тяжелых родов.

— Добрые, благородные люди,— говорят о них железнодорожники Красного Лимана.

Б. АКСЕЛЬРАД

Евдокия Романовна и Николай Федорович с Таней и Сережей.

НОВЫЕ БЕЛОРУССКИЕ ТРАКТОРЫ

Трактор «Беларусь». Экспериментальная модель «МТЗ-7».
Фото А. Горельчика.

В последние дни минувшего года на одной из пригородных железнодорожных станций стоял эшелон с минскими тракторами «Беларусь». На каждой машине можно было увидеть по два небольших цилиндра, которых раньше на «Беларуси» не было. Что это за новшество?

— Эти цилиндры порадуют механизаторов,— сказали нам в отделе главного конструктора Минского тракторного завода.— Ведь до сих пор трактор мог работать с навесными сельскохозяйственными орудиями, расположенными только сзади, так как для их управления имелся один механизм — гидроподъемник. Этот недостаток мешал использованию мощности трактора при выполнении пропашных работ.

Теперь, после установки выносных цилиндров и гидрораспределителя, который управляет ими, трактор может работать сразу с тремя культиваторами, окучниками или другими сельскохозяйственными орудиями: два по бокам и одно сзади. Управляет ими тракторист и одновременно и порознь. Это особенно важно при работе на пересеченной местности и небольших земельных участках. Такое новшество значительно повышает производительность трактора.

В конструкцию трактора «Беларусь» внесены и другие усовершенствования. Улучшено рулевое управление. Мощность двигателя доведена до 40 лошадиных сил, при этом он стал более экономичным. На каждую силу в час теперь расходуется на 10—15 граммов горючего меньше прежнего.

И. ЗЕНОВИЧ

XXIV шахматный чемпионат СССР

Боевой турнир

В прошлом году в Москве состоялись шахматная олимпиада и турнир памяти А. Алехина с участием иностранных шахматных корифеев. Но разве в этих международных соревнованиях мы видели такую творчески насыщенную, острую спортивную борьбу, как в чемпионате СССР? Никакого сравнения!

Ни в одном туре не было скуки. Зрители довольны. Даже гроссмейстеры-ветераны, не участвующие в чемпионате, которые обычно, сидя в ложе печати, рады покритиковать происходящее на сцене, отмечают, что такого интересного соревнования давно не было.

Оживление в спортивную борьбу вносят все участники турнира, но, пожалуй, больше всех «отличается» гроссмейстер А. Толуш, уже сравнительно солидный по стажу, но с юной шахматной душой. Однако и ему не удается «наверняка» держать лидерство в чемпионате. В 11-м и 12-м турах его отбросили Т. Петросян и Е. Столяр. В 13-м туре А. Толуш выигрывает. «Опять живем!» В 14-м туре П. Керес разгромил его таким страшным образом, что иной шахматист не опомнился бы и через месяц. Но А. Толуш в следующем туре в таком же стиле разнес Л. Аронина и опять оказался в «районе первого места».

В период с 6-го по 12-й тур кое-кто считал, что М. Таль уже разучился выигрывать, идет «на втором дыхании». В 12-м туре рижский студент на 93-м ходу проиграл гроссмейстеру И. Болеславскому, который все же оказал молодому мастеру неплохую услугу. Выяснилось, что шахматный характер М. Таля таков же, как у М. Ботвинника. После проигрыша он начинает играть с удвоенной энергией. В 13-м туре Таль шутя победил очередного лидера чемпионата гроссмейстера Т. Петросяна. «Проблема Таля», оказывается, еще не решена гроссмейстерами! Имя М. Таля снова на устах любителей шахмат.

В 15-м туре П. Керес выигрывает у Аронсона и, «как полагается», становится очередным лидером. Надолго ли? В 16-м туре игралась «балтийская партия»: П. Керес — М. Таль. Москвичи не любят, когда Керес проигрывает. Эстонский гроссмейстер весьма популярен у любителей шахмат. Но на этот раз раздались бурные аплодисменты, когда Керес сдался.

Любопытна манера игры рижского студента. Иногда он надолго задумывается, но затем стремительно вскакивает с места и бегает по эстраде, прямо как В. Куц. Чем быстрее М. Таль шагает по эстраде, тем, значит, лучше его позиции. Выигрыш найден!

Тренер М. Таля — мастер А. Кобленц — шутя заметил: «М. Талю не повезло: в чемпионате мало гроссмейстеров». Дело в том, что с гроссмейстерами молодой мастер «расправляется» действительно очень строго.

После неудачного старта шансы Д. Бронштейна в турнире вызывали сомнения. Но высокий класс его игры сказался. В 16-м туре М. Таль победил лидера—П. Кереса, и вот Д. Бронштейн показался «крупным планом», в числе лидеров вместе с А. Толушем и М. Талем — представителями старшего и младшего поколений. Возраст разный, а желание одинаково: завоевать золотую медаль чемпиона страны.

Тройку лидеров преследуют «по пятам» П. Керес, Б. Спасский, В. Корчной. На финише такого боевого чемпионата, «без аутсайдеров», особенно опасно «споткнуться»!

Мало изменилось положение и после 18-го тура. Впереди Д. Бронштейн и М. Таль. Вплотную за ними П. Керес, затем Б. Спасский и его тренер А. Толуш, потерпевший обидное поражение в лучшей позиции в партии с Р. Холмовым.

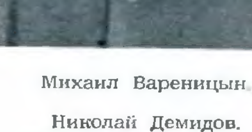
«Не за горами» и другие гроссмейстеры: Т. Петросян, В. Корчной, М. Тайманов, И. Болеславский,— а также мастер Р. Холмов.

Кто же будет победителем? Вряд ли найдется «специалист», могущий сделать правильные «расчеты»...

Сало ФЛОР

Игорь Белибо.

Михаил Вареницын.

Николай Аникин.

Николай Демидов.

О. ШМЕЛЕВ

Фото М. САВИНА.

Мы из Куйбышевского суворовского

Анатолий Перепелкин.

Сергей Резников.

На улицах Куйбышева вы обязательно обратите внимание на алые погоны, яркими пятнами мелькающие в веренице прохожих. И ваш глаз непременно отметит подтянутость, стройность и даже некоторую щеголеватость, присущую каждому суворовцу. А посмотрите, как четко приветствуют они встречных офицеров,— подбородок вверх, рука взлетела вытянутой кистью к виску, новенькие яловые сапоги печатают по тротуару строевой шаг. И офицеры, пряча в уголках рта отеческую улыбку, с видимым удовольствием в ответ отдают честь.

Если же повстречался генерал,— это для суворовцев целое событие. Первоклассники в таких случаях ведут себя, с точки зрения старшеклассников, не совсем солидно: отдав честь один раз, они через дворы или переулки делают быструю перебежку, чтобы поприветствовать генерала вторично. Первоклассники считают, что это хотя и несолидно, зато полезно, ибо доставляет им необходимую практику.

Суворовцы радуют взгляд своей аккуратностью, подтянутостью. И дело тут не только в форме. Дело в общей системе воспитания. Недаром Куйбышевское училище вот уже третий раз завоевывает в соревновании с другими училищами переходящий приз Совета Министров СССР, учрежденный в ознаменование 150-летия со дня смерти Суворова. На знамени так и написано: «За лучшие успехи в учебе и воспитательной работе». Сколько истинно отеческой заботы, сколько педагогической чуткости каждодневно, ежечасно проявляет весь офицерский и преподавательский состав училища!..

В семь часов, когда за окнами зимняя ночь еще борется с утром, медный голос трубы рвет тишину гулких, высоких коридоров. Трубач играет подъем...

Пять минут — и все на зарядке. А затем умывание, обтирание до пояса холодной водой: закалка! Неженок здесь не найдешь.

В половине девятого, после первого завтрака, пустеют коридоры: все расходятся по учебным аудиториям.

Мы пришли в главный корпус на улице Обороны как раз, когда начались уроки. На втором этаже дневальный встретил нас вопросом:

— Кес не ву вуле?

Французского языка мы не знали и попросили говорить по-русски.

— Где командир вашей роты?

И снова ответ непонятен. Пришлось звать переводчика-офицера. Оказалось, что сегодня в училище день французского языка, и никто не имеет права изъясняться иначе, как по-французски...

Пройдемся по аудиториям, посмотрим, чем занимаются суворовцы.

В биологическом кабинете преподаватель Александра Петровна Зорина проверяет, как усвоило первое отделение третьего класса раздел «Внутреннее строение птиц».

В кабинете химии «колдуют» над колбами и спиртовками, выпаривая какие-то жидкости.

Одна из аудиторий, увешанная разноцветными схемами исторических операций Советской Армии, имеет строго военный облик. Здесь капитан Анатолий Александрович Котельников проводит с шестым классом занятия по изучению материальной части. На столах перед суворовцами лежат новенькие карабины.

Снизу, из небольшого холла, слышны звуки пианино, играют вальс. Там идет урок танцев.

А если заглянуть в спортивный зал, голова закружится от калейдоскопа мелькающих тел: кто работает на перекладине, другие — на брусьях, третьи — на кольцах, а посредине, на толстом стеганом мате, спортсмены под присмотром начальника физподготовки майора Серафима Сергеевича Якиманского крутят сальто...

Спортом увлечены все поголовно, и, конечно, самыми уважаемыми людьми считаются у суворовцев те, кто принес Куйбышевскому училищу победу на спартакиаде суворовских училищ, кто, подобно Юрию Соколову или Николаю Куприянову, стал чемпионом Советской Армии или города Куйбышева.

Командир второй роты подполковник Иван Федорович Тушев — ветеран Отечественной войны, прошедший тысячи километров по вражеским тылам во главе лыжного батальона,— руководил походом суворовцев на Куйбышевскую ГЭС, туда-обратно — 180 километров. И после он говорил полушутя-полусерьезно, что ему, опытному, тренированному лыжнику, трудновато было не отставать от неутомимых суворовцев...

Кончились уроки. Можно выйти на улицу, погулять на морозном воздухе, покататься на коньках. Можно съездить в соседнюю воинскую часть, с которой у суворовцев завязалась крепкая дружба.

Потом трубач играет «бери ложку, бери бак...», а после обеда — кто куда. Счастливчики, которые отличной учебой заслужили право заниматься в военно-физическом кружке, отправляются в свою мастерскую. Участники самодеятельности собираются в клубе на третьем этаже, освобождают сцену от лишнего реквизита: скоро придут девушки из 11-й школы, вместе с которыми суворовцы готовят концерт. Мастеров по выпиливанию из дерева неудержимо тянет в столярную мастерскую — поработать над замысловатым узором, подышать смолистым запахом сосны...

Внизу, против входа, у мраморных плит, на которых высечены фамилии суворовцев, окончивших училище с золотой медалью, алые погоны окружили невысокого темноволосого лейтенанта. Сыплются вопросы. Еще бы: ведь имя Бориса Суздальцева числится на этой почетной доске под годом 1951-м! Интересно послушать, как Суздальцев учился потом во Львове, как прошла его служба в воинских частях, трудно ли было поступить в Артиллерийскую инженерную академию имени Дзержинского в Москве. Питомцы Куйбышевского суворовского, где бы они ни были, никогда не порывают связь со своим родным училищем, а уж если довелось приехать в город, первый визит — на улицу Обороны.

В классных комнатах под наблюдением офицеров-воспитателей идет приготовление уроков, заданных на завтра. До десяти часов вечера светятся окна училища. В 22.00 — точно, по-военному — трубач играет отбой...

Вот и прошел день — сделан еще один шаг на пути к тому заветному дню, когда сегодняшние суворовцы выйдут в большую жизнь.

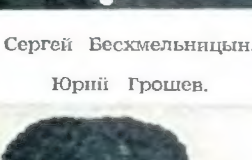

Сергей Бесхмельницын.

Виталий Побережный.

Юрий Грошев.

Геннадий Клинковский.

Суворовцы Куйбышевского училища у памятника Василию Ивановичу Чапаеву.

Урок зоологии сегодня посвящен внутреннему строению птиц.

Экскурсия в соседнюю воинскую часть. Капитан Г. Г. Просянкин рассказывает суворовцам «биографию» старого прославленного противотанкового орудия.

В положенное время суворовцев навещают родные. На снимке: Галина Валентиновна Кублинская с сыном Сашей.

Свежий подворотничок — признак аккуратности. Геннадий Нарожный и Михаил Кузькин хорошо это усвоили.

Фото М. САВИНА.

ДОСУГ СОЛДАТА

Гвардейская Таманская дивизия имени М. И. Калинина. У входа в Дом офицеров пестрые плакаты сообщают о предстоящих лекциях и концертах, о вечере отдыха, наборе в драмкружок, показе кинофильмов, о смотре самодеятельности.

В фойе группа солдат и офицеров сидит у радиоприемника—воины слушают арию князя Игоря. Лица у сидящих какие-то особенно восторженные. Когда пение кончилось и заговорил диктор, воцарилась тишина. Диктор сообщил, что арию князя Игоря исполнял молодой солист Большого театра Юрий Галкин, который недавно окончил Московскую консерваторию; свое призвание певца он нашел в армии, когда служил солдатом.

«В армии в часы досуга он часто пел товарищам под баян,— рассказывал диктор,—неизменно участвовал в красноармейской самодеятельности».

Фото И. ТУНКЕЛЯ

А солдат Виктор Петрунин предпочитает героический репертуар.

— Арию Сусанина бы разучить,— мечтает обладатель сильного, низкого баса, прозванный за это в шутку товарищами «Шаляпиным». Руководитель хора А. Т. Ачеев безжалостно требует от «будущего Шаляпина» повторения одной и той же музыкальной фразы, добиваясь осмысленного, выразительного и красивого звучания в ней каждой ноты, каждого слова.

«Любимцы публики» сержант Владислав Асовский и солдат Лев Наумкин исполняют шуточный пародийный танец «Мы были в балете»...

В коридоре возле двери толпился народ. Оттуда неслась знакомая мелодия песни о Бухаресте. Певец пел на румынском языке. Это младший сержант Владимир Каннабих вместе со своими друзьями готовился к предстоящему концерту: разучивал новые песни. В отличие от профессиональной эстрады здесь с одним и тем же репертуаром не принято выступать подолгу, — что ни концерт, то все новые и новые песни в программе.

Эстрадный ансамбль, которым руководит сержант Виктор Аксенов, снискал популярность не только в дивизии. В ближайших колхозах, совхозах эти «артисты» — дорогие и желанные гости. С большим успехом выступали они не раз и в Центральном Доме Советской Армии в Москве.

С Александром Аверкиным мы были знакомы и раньше, собственно, не с ним, а с его творчеством. По радио и телевидению, в концертных залах Москвы и других городов можно услышать произведения композитора Аверкина. Около 20 его песен издано, многие исполняют артисты и профессиональные хоры; любит петь свои песни и он сам.

Но особенно дорого молодому композитору, когда он слышит, что песни его запели товарищи. Ведь это по их просьбе, для них он начал здесь в армии, писать музыку. Им — друзьям-товарищам, солдатам—посвятил Александр Аверкин свои песни, свое творчество.

И. ВЕРШИНИНА

ЗАЩИТА КРАСНОРЕЦКА

Из романа «Утро Советов»

Ю. ЛИБЕДИНСКИЙ

Роман «Утро Советов» является заключительной книгой трилогии, первые две части которой — «Горы и люди» и «Зарево» — вышли в издательстве «Советский писатель».
В романе изображается подготовка Великой Октябрьской революции, а также первый период становления Советской власти в Петрограде, Москве и на Северном Кавказе.

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

1

«Нет, не случайно Александр Васильевич Суворов выбрал для построения Красноречецкой крепости именно эту гору! Господствующая над всей окрестностью, окруженная с юга и юго-запада глубокими обрывистыми оврагами, она дает превосходные возможности для обороны», — так каждый раз думал Дмитрий Розанов, когда он один или вместе с Виктором Зябликовым обходил фронт оборонных работ.

Укрепления должны были с юга, востока и запада охватить город; северная сторона, где проходил тракт на Царицын, охранялась кавалерийским отрядом под командованием Николая Гребенщикова. «Красные казаки», — с доверием и гордостью называли в городе этот отряд, чтобы обозначить различие от белых казаков, группирующихся в Арабыни под началом Темиркана Батыжева.

Темиркан Батыжев — это тяжелое имя грозно нависло над городом. С ненавистью произносили это имя трудящиеся, с тайным упованием—буржуазия, мещанство, чиновничество...

Хотя оба они, и Розанов и Зябликов, были без погонов, но по офицерской шинели Розанова, по всей осанке его видно было, что он офицер царской армии, и рядом с Зябликовым в солдатской шинели, перетянутой ремнем шинели он выглядел странно. И когда в это раннее морозное утро они пришли на тот обрывистый склон Красноречецкой горы, где в принудительном порядке, под наблюдением красногвардейцев рыли окопы мобилизованные буржуа и чиновники, по тем взглядам, которые бросали на них эти неумело и неохотно работающие люди, Зябликов и Розанов легко угадывали их чувства.

— Батыжева ждут,— сказал Виктор. Он даже не считал нужным говорить тихо.— Ничего, не дождутся.

Все, кто работал здесь, отлично знали Витьку Зябликова. Цепкий, как крапива или репейник, мальчишка этот, несмотря на голод и лишения, вырос в железнодорожном поселке Порт-Артур. Начал работать с детства и еще в отрочестве был первый раз арестован «за политику». Потом его взяли на фронт, он получил тяжелую рану и все же выжил. После февральской революции его снова арестовали, и только чудом спасся он от расстрела...

Его ненавидели, о нем распространяли слухи, что он дезертир и уголовник. А сам Виктор рассказывал Розанову о купцах и владельцах предприятий, рывших окопы, такие подробности, которые свидетельствовали, что он так же знает своих врагов, как можно знать только тогда, когда по-настоящему ненавидишь.

— Вон тот, маленький, дробненький,— мыловаренного завода хозяин, Аникин. Работают на заводе у него солдатки, и пойти к этому Аникину на завод — значит попасть к нему в гарем. А тот вон, толстый, с большой бородой, был пантелеевским приказчиком. Старовер, с хозяином своим усердные молельщики. Молились вместе, а после смерти старика Пантелеева собственную крупорушку поставил: всю жизнь своего хозяина обворовывал.

«А каким эти люди видят меня?» — думал Розанов, встретившись взглядом с каким-то сухощавым человеком в такой же офицерской шинели без погонов и с седеющими красивыми усами. В отличие от других он споро и даже молодцевато действовал лопатой, но между двумя бросками земли мельком, с острым пониманием оглядел Розанова, и взгляд у него был холодный, ненавидящий.

— А это кто? —тихо спросил о нем Розанов, пригибаясь к уху Зябликова.

— Из канцелярии воинского начальника. Взятками с рекрутов нажил себе два дома. Фамилии не помню.

Впрочем, зачем была Дмитрию Розанову фамилия? Такого вида старик военный, обходительный и вежливый, мог бывать в гостях у них, в его родительском доме. «И вот мы по две стороны классовой пропасти. А этот идущий рядом со мной Виктор Зябликов, в солдатской шинели, с маленьким, словно собранным в кулачок, неустрашимым лицом и серой, преждевременно морщинистой кожей, при всей своей грубости выражений и неправильности речи стал мне ближе брата, ближе отца и матери...» И Розанов, прислушиваясь к тому, что рассказывал Виктор о военном положении города, снова вернулся к той своей мысли, к тому скрытому побуждению, которое он втайне лелеял уже много дней. За время революции он видел, как в хаосе разрушающегося старого строя, в том страшном сотрясении, которое переживала Родина, стала действовать новая, собирающая народ сила, и он не мог не быть с этой силой. Это была партия большевиков.

И сейчас — в который раз! — раздумывая о том, что ему следует вступить в эту, раньше от него такую далекую партию, он продолжал внимательно слушать Зябликова, и та доверчивость, с которой Виктор рассказывал ему о трудностях военного положения города, как бы подталкивала его на решение, которое — он понимал это — определит всю его судьбу.

Виктор говорил, что еще три недели тому назад город могли бы защитить возвращающиеся с турецкого фронта солдаты. Сейчас демобилизация почти закончена. Огромные армейские части, находившиеся в крае, буквально растаяли. Остались только штабы и канцелярии с теми происходящими из Средней России офицерами, которые околачивались без дела и могли составить кадры диверсионных групп, связанных с Темирканом Батыжевым. С севера тыл был открыт, и по базарным дням подводы из деревни свободно приезжали в город. Поэтому Виктор высказывал опасение, что в момент, когда противник двинется на город, в тылу могут обнаружиться диверсионные группы, которые до своего часа затаились и приняли личину служащих и даже ремесленников.

А разве враги не могли скрываться среди военных специалистов? Ведь довольно большая группа офицеров поступила в качестве инструкторов в Красную Гвардию! Все это были пока только подозрения, но насколько они основательны, видно хотя бы из того, что директор реального училища Аркадий Диодорович Георгиевский почти открыто подготовлял из учеников старших классов реального училища террористический отряд, связанный с арабыньскими контрреволюционерами. Виктор сам допрашивал Георгиевского и сейчас рассказывал Розанову о том, что дал допрос: о связи отряда Георгиевского с Батыжевым. Виктор не скрывал от Розанова, как от своего человека, что он без содрогания не может представить себе действия озлобленного и дикого врага, если только ему удастся ворваться в город. Что предстоит тогда пережить Порт-Артуру и Фурштадтской слободе?

От перебежчика из Арабыни, занятой Батыжевым, Зябликов знал, что Темиркан Батыжев и Сорочинский на днях устроили на большом плаце под Арабынью большие учения: вывели соединенную горско-казачью бригаду и практиковали конную атаку лавой. Учения прошли успешно. В том, что маневры эти должны были предшествовать кавалерийскому рейду на Красноречецк, Виктор не сомневался. Нетрудно было также сообразить, что эти действия будут проведены не позднее февральской ростепели, а сейчас январь уже шел к концу...

Устоит ли оборонительная линия Красноречецка против сокрушительного удара прекрасно обученной и подготовленной к подобным маневрам кавалерийской массы? Не прорвется ли кавалерия белых в Красноречецк?

Так, обсуждая военное положение города, пришли они на артиллерийские позиции, расположенные среди садов и огородов, на крутом склоне Красноречецкой горы. Батареей командовал вернувшийся после демобилизации младший фейерверкер Москвиченко, коренастый, похожий на дубок крепыш. В его крутых рыжеватых кудрях была сильная проседь. При нем безотлучно находился сын его Сеня, который был как бы связным между отцом и матерью, проживавшей на другом конце города, в Фурштадтской слободе. Чем-то этот мальчик был очень мил Розанову. Бойкий, загорелый, курносенький, он с интересом слушал пересыпанные специальными терминами разговоры отца с Розановым. Иногда он задавал вопросы, обнаруживавшие у него живой ум. Сеня знал начатки алгебры и геометрии. Дмитрий Александрович все собирался предложить мальчику позаниматься с ним. Но до того ли сейчас?

Каждый раз, когда он видел возле орудия отца и сына Москвиченко, ему вспоминалась песня о Трансваале, которая еще в детстве волновала его:

Отец, отец, возьми меня
С собою на войну.
Я за свободу жертвую
Младую жизнь свою...

Сейчас эта песня словно проснулась в народе. Ее часто теперь пели красногвардейцы, она как-то впору пришлась тому, что происходило в России, и мальчик, который «на позицию в руках патроны нес», словно и был этот Сеня, известный всему Красноречецку под кличкой «Сенька Моторный».

На батарее было оживленно. Грузовик привез снаряды. Шла бойкая разгрузка. Зябликов ходил вокруг машины и словно впервые разглядывал ее. Розанов взглядом опытного артиллериста оценивал позиции батареи.

— Следовало бы, товарищ Зябликов, передвинуть орудия вперед,— сказал Розанов.— На германском фронте я командовал такой же, состоящей из трехдюймовок батареей, и их могущественное действие в условиях ближнего боя мне известно.— И, показывая рукой, он добавил: — Знаете, вот так, веером... Шрапнелью по наступающему противнику — по движущейся кавалерийской массе, а?..

Жесткость его тона поразила даже Зябликова и в то же время внушила еще большее уважение и доверие к этому выходцу из вражьего стана.

— Так, значит, передвинуть? Вперед? Приказано передвинуть — передвинем! — Зябли-

ков оглянулся и, взяв Розанова за локоть, отвел его в сторону.— Хочу я вам, Дмитрий Александрович, поведать одну свою думку. Только вам одному скажу, потому что очень вы такой... твердый человек и военное дело знаете. Вот каждый раз, когда я вижу эти наши грузовые автомобили из роты Бородкина, мне приходит на мысль это дело. Но, может быть, это — только мечтание...

Розанов с недоумением глядел на побуревшее от волнения лицо Зябликова. Из того развороченного колесами автомобилей и орудий огорода, где помещалась батарея, они вышли на пустую улочку, и Зябликов, став против Розанова, спросил:

— А что, если нам имеющиеся у нас трехдюймовки поставить на грузовики и, когда Темиркан двинется на нас, встретить его на пути этой же самой шрапнелью, веером, как вы сказали?..

Он молча глядел на Розанова.

— Могло бы получиться довольно интересно,— проговорил Розанов, размышляя.— Да, да, очень интересно! — добавил он оживленно.— Но трехдюймовки... Рассчитать надо силу отката орудия в момент выстрела. Вы понимаете?

— Нет, я все-таки пехотинец и не очень понимаю артиллерийское дело,— смущенно ответил Виктор.— Ну а вам и книги в руки. Если вздор, то вы прямо мне скажите...— Лицо Зябликова все темнело, бурело, но он не отводил взгляда.

— Почему же вздор? — говорил Розанов, пальцами поскребывая щеку.— Это очень интересная мысль, надо будет Алексея Бородкина к этому привлечь. Ведь эффект внезапности, который может произвести подобного рода подвижная артиллерия, если с каждого из имеющихся у нас грузовиков будет произведен выстрел и в известной последовательности, один за другим...— Он вдруг усмехнулся.— Довольно смешно может получиться. А вот сила отката... Как с этим быть, Виктор... простите, как вас по батюшке?

— Да зовите Виктор, к чему вам мой батюшка занадобился? Значит, главная препона — это сила отката? И неужели из-за этой глупой какой-то силы отказаться от такого дела?..

Розанов покачал головой.

— Физический закон,— сказал он внушительно и грустно.

Зябликов кусал губы, словно в нетерпении постукивал ногой в рыжем армейском сапоге.

— А вы, Дмитрий Александрович, конечно, знаете горные пушечки? — спросил он, подняв на Розанова свои настойчивые глаза.— У нас ведь такие имеются, только мы от них отказались за малой эффективностью. Но ведь тут, сколько я вас понял, стрельба будет с ближних дистанций...

Они молча глядели друг другу в глаза.

— А ведь вы правы! — ответил Розанов.— Эффект, в сущности, такой же, а сила отката иная, и вообще... вы молодец, товарищ Зябликов!

— Рад стараться! — Зябликов шутливо взял под козырек, на лице его выступили пятна темного румянца.— Значит, может получиться, а? Пожалуй, надо товарищу Черемухову сообщить? И совещание собрать? Бородкин, значит, Гребенщиков...— Он быстро записал, кого надо позвать, и потом вприпрыжку, словно мальчик, побежал на батарею к полевому телефону, чтобы созвониться с Черемуховым.

Звонок Виктора застал Константина в последний момент, когда тот уже собирался пойти обедать. Что-то торжествующее слышалось в голосе Зябликова.

— Да в чем у тебя дело? — спросил Константин.

— Имеется технико-стратегический план,— ответил Виктор,— а по телефону говорить не стоит. Если ты разрешишь, я приведу Розанова, Гребенщикова, Бородкина и, пожалуй, даже Колющенко потревожу.

— Ладно, собирай всех.

2

Когда Константин вошел к себе в кабинет, Гребенщиков и Бородкин в углу играли в шашки, а Зябликов нервно шагал по комнате и поглядывал на большие стенные часы. Розанов молча сидел у окошка и курил.

— Опоздание — десять минут,— смущенно сказал Константин, откашливаясь и после быстрого хода переводя дыхание,— прошу извинения. Давай, давай, докладывай свой, как это ты выразился... технико-стратегический план...— посмеивался Константин, усаживаясь за свой письменный стол.

— Ишь ты, технико-... как? — переспросил Гребенщиков.— Страте-ги-ческий? Мудрено!

— Ничего мудреного в нашем плане нет! — сердито заговорил Зябликов и взглянул в сторону Розанова, ожидая его поддержки.— Если это можно назвать планом, то должен вам сказать, что план этот простее простого и в основе его лежит та истина, что голь на выдумки хитра. Это наше с Дмитрием Александровичем предложение основано на том, что, по последним данным, Темиркан и Сорочинский собираются бросить на Красноорецк тот род войск, которого у них в преизбытке, то есть кавалерию. Они собрали до десяти тысяч конников.

— Десять тысяч конников... — протяжно сказал Гребенщиков,— это сила!..

— Верно, большая сила,— перебил его Розанов.— А предложение товарища Зябликова состоит в том, чтобы на их азиатскую, что ли, силу ответить имеющейся у нас силой современной техники.— Розанов снял очки и своими синими блестящими глазами оглядел присутствующих.— Когда Темиркан Батыжев кинет кавалерийскую лаву на наши, признаемся себе в этом, довольно слабые позиции, мы выбросим ему навстречу грузовики, на которые будет поставлена артиллерия. Мы прямо с хода встретим эту огромную, быстро движущуюся тучу разящим артиллерийским огнем, тем более губительным, что стрельба по огромной, хотя и движущейся мишени не потребует особенно тщательной наводки, а только бесстрашного хладнокровия; тогда внезапность появления нового, для противника неожиданного рода оружия доделает то, чего не сделает сила огня.

В комнате было холодно, все сидели в шинелях и в шапках, черные силуэты теней на стенах придавали обстановке особо внушительный вид.

— Каково мнение товарищей по поводу изложенного проекта? — спросил Константин.

Зябликов взглянул на Бородкина. Тот в раздумье покачивал головой, пощипывая свои белесые усики. Константин обратился к нему:

— Насколько я припоминаю, товарищ Бородкин, вы отнюдь не новичок в области изобретений? Так что вы скажете о конструкции товарища Зябликова?

— Ты уж скажешь, Костя, какая же это конструкция! Это, как говорится, нужда научит есть пироги...— смущенно сказал Зябликов.

— Идея, знаете, оригинальная,— сказал

Бородкин.— С чем тут придется столкнуться? С силой отката.

— О силе отката мы уже думали,— ответил Розанов.— Ее можно ослабить. В ход у нас пойдет горная артиллерия.

— Это у нас есть! — воскликнул Гребенщиков.— А ведь, ей-богу, дело получится!

— Что ж, будем пробовать,— сказал Константин.— И пробовать нужно сейчас же. Судя по данным разведки, Темиркан вряд ли будет медлить. Начинать нужно сегодня же, завтра может быть поздно.

Он замолчал. Ни единого выстрела не доносилось с фронта, но эта тишина была опаснее и многозначительнее всякой стрельбы.

Бородкин и Розанов тут же ушли, чтобы начать работать. В кабинете у Константина остались только коммунисты. Позднее, часа в два ночи, Зябликов и Гребенщиков отправились в автомастерские, которые развернуты были в помещении депо сельскохозяйственных орудий Мак Кормик.

Гребенщикова скоро одолел сон — последние недели приходилось спать урывками,— он и заснул, положив голову на стол, но быстро проснулся, словно его кто-то толкнул. Он видел, что Зябликов, шевеля губами, пишет что-то, и ему стало стыдно. Он прислушался к тому, что шепчет Зябликов. «Многи лета, многи лета...» — расслышал он, и ему стало смешно.

— Ты что, за царя молишься?

Зябликов поднял на него затуманенные глаза.

— Зачем за царя? «Многи лета, многи лета, власть рабочих и крестьян!» А дальше не выходит. Нужно сочинить песню для нашей Красной Гвардии, да новую какую-нибудь.

— А это ты интересно придумал...— Гребенщиков закурил и мечтательно сказал: — «Многи лета, многи лета, власть рабочих и крестьян!» Не православный русский царь, а новая власть, власть Советов!

Многи лета, многи лета,
Трудовая власть Совета,
Власть рабочих и крестьян!

— Пролетарии всех стран!..— торжественно воскликнул Зябликов.— Интернационал, понимаешь? Чтобы откликнулись на нашу революцию. Погоди, записать надо.

Когда записали, обнаружилось, однако, что получилось как-то нескладно, чего-то не хватало. Гребенщикову стало скучно, он стал зевать. Но Зябликова по-прежнему сон не брал, его зеленоватые глаза поблескивали.

— Слышь, Коля,— сказал он,— еще со школы полюбилось мне стихотворение, может, помнишь? «В шапке золота литого старый русский великан...» Погоди-ка,— перебил он сам себя.— Ей-богу, это сюда годится... Старый русский великан, старый русский великан... — шептал Зябликов и вдруг воскликнул: — Новый русский великан! Почему старый? Давай сюда начало!

Многи лета, многи лета,
Новый русский великан...

И дальше:

Трудовая власть Советов,
Власть рабочих и крестьян!

К утру песня была готова.

3

На третий день Розанов, держа в руках папку с чертежами, пришел к Константину. Зябликов был занят, Бородкин отсыпался. Может быть, потому, что Розанов только что побрился, печать утомления особенно явственно видна была на лице его. Он доложил простой и остроумный проект оборудования в кузове грузовика особого приспособления для отката колес. Константин внимательно рассмотрел чертежи, потом задумался. Розанов несколько раз ловил на себе его странный, словно оценивающий взгляд.

— Скажите, Дмитрий Александрович, а наши товарищи справятся с этим делом без вас? — спросил он.

— Вполне,— ответил Розанов, но в голосе его слышалось некоторое недоумение.— Вполне справятся,— повторил он.— Алексей Диомидович Бородкин — это прирожденный конструктор. Потом тут есть еще артиллерист Москвиченко...

— Как же, знаю, отец приятеля моего Сени Моторного! — Константин засмеялся.

— И с Сеней Моторным я познакомился. Хороший мальчик, хотя воспитанием его следовало бы заняться. А сам Москвиченко — это очень толковый артиллерист, с природной смекалкой и практически всегда может помочь, так сказать, консультацией. Ну, а Зябликов — это военный талант!

— Талантов у него множество. Вот полюбуйтесь, они с Гребенщиковым сочинили для Красной Гвардии...— И он, глядя на листок, тихонько пропел:

Многи лета, многи лета,
Новый русский великан,
Трудовая власть Советов,
Власть рабочих и крестьян!

Да откликнутся на это
Пролетарии всех стран.
Многи лета, многи лета,
Власть рабочих и крестьян!

— Да, кратко, но внятно. Значительно,— сказал Розанов.— Все, что требуется для хорошей солдатской песни.

— Что и требовалось доказать! — с удовлетворением сказал Константин.— Вот оно, творчество масс, а? А есть люди, которые его не видят. Ну, да ладно... У меня на вас есть особые виды. Мы хотим вас послать в Закавказье для согласования наших военных планов с армией, сейчас отходящей с Турецкого фронта. Обстановка в Закавказье туманная, и ваша офицерская выправка и внешность могут пригодиться для маскировки. И при этом человек нужен надежный.

Розанов не сводил глаз с Константина.

— То, что вы предлагаете мне сейчас... Вы, видно, сами не сознаете, что вы мне предложили? Вы дали мне право обратиться к вам... Ведь получилось так, что я с начала революции с коммунистами, и вот я решил... Но только вы не думайте, что это под влиянием моих известных вам горестных обстоятельств, хотя и не скрою, что впервые эта мысль появилась у меня... — он бережно дотронулся до шарфа, окутывающего его горло,— именно тогда, у Кремлевской стены... Ну, вы помните сами, когда я нес гроб, где Леночка Саакян... В дальнейшем я лишился семьи, дома, но я приобрел другое. Я хочу вступить в партию коммунистов, товарищ Черемухов!

— Я буду вас рекомендовать в партию, товарищ Розанов,— ответил Константин.

4

И вот настала ночь, когда белоказачьи сотни потянулись по дорогам, ведущим к Красноречку.

На рассвете Темиркан со Смолиным и Аркебузовым, сопровождаемые конвойным взводом, выехали следом за войсками.

Темиркан то по шоссе, то съезжая с него, ехал по холмистой равнине.

Грунт везде был слежавшийся и твердый, воздух легкий, морозно-сухой, ночь заполнена приглушенным звоном, который издавало множество подкованных коней, ступавших по льдистой, примороженной земле. С правого плеча занялся восток, впереди обозначились темные, с белыми снеговыми языками горы — там Краснорецк. Близкая пулеметная очередь, словно предостережение, послышалась оттуда.

Ночь розовела, светлела. По снегу протянулись длинные тени, и повсюду, куда ни кинешь взгляд, видны были темные на синем и розовом, быстро движущиеся, устремленные в одну сторону сотни. Звон копыт становился все громче, движение — все равномернее.

Смолин указал Темиркану на большой курган, где, сложив руки на животе, стояла каменная, со щербатым улыбающимся лицом баба. Темиркан довольно кивнул головой. Конечно, только Смолин, родившийся здесь, мог выбрать такое удобное, как бы самой природой предназначенное для наблюдательного пункта место. Смолин, как и всегда в дни боя, был чисто выбрит и надушен, его хорьковая мордочка со вздернутым носиком выражала простодушное и хищное торжество. Да и как не торжествовать: в его кармане лежал подписанный Мокроусовым, Сорочинским и Темирканом приказ о назначении его, Виктора Смолина, комендантом города Краснорецка! Оцепить город, ловить на улице большевиков и при сопротивлении (а по правде, не дожидаясь сопротивления) уничтожать! Кого удастся захватить, тех передавать начальнику контрразведки Глебу Аркебузову-Анисимову.

Порезанное при бритье лицо Аркебузова выражало злобу и беспокойство. На лошади сидел он дурно: одной рукой держал уздечку, другой вцепился в холку, и лошадь недовольно фыркала.

— Имейте в виду, там собралась отчаянная шайка, и едва ли кто-нибудь из них побежит,— говорил Аркебузов Смолину.— Самое главное — захватить Черемухова; это эмиссар Смольного. Захватить и...

— В ррасшив!.. — отчеканивая и резко щелкнув хлыстом, сказал Смолин. — Черемухова, Зябликова, Колющенко, Гребенщикова — всех в ррасшив!

— Дело тут не только в большевиках — надо обратить внимание и на беспартийных, их поддерживающих, вроде доктора Гедеминова, — добавил Аркебузов.

— Порроть! — наморщивая свой короткий, вздернутый нос, сказал Смолин.— Интеллигенцию порроть. И баб порроть! Идейная? Задирай подол!

— И особенно приятно пороть молоденьких, этаких, знаете, гордых...— хихикая, сказал Аркебузов, и так сказал, что уж на что Смолин, и тот смутился и от смущения громко выругался.

Темиркан на него посмотрел сердито. Они уже находились возле каменной бабы. Отсюда видна была та невысокая гряда, вдоль которой вытянулись позиции красных. Сбоку, со стороны Арабыни, уже сгущалась темная в своих синих и серых бешметах масса кавалерии. Только скомандуй — и пойдут сначала на рысях, потом стремительным галопом прорвут тоненькую линию фронта красных, опрокинут их артиллерийские позиции. И сразу на город!

— Что же у них артиллерия молчит? — озабоченно спросил Темиркан.— Ведь у них есть артиллерия.

— Экономят снаряды,— ответил Смолин.— Я им всем покажу! — вдруг угрожающе сказал он, объединяя под словом «им» всех своих врагов, начиная с преподавателя математики, который ставил ему колы и двойки в реальном училище, включая сюда «развитых» гимназисток, отвергавших его ухаживания, и кончая Черемуховым и всеми красными совдеповцами.— «После шести часов вечера на улицах не показываться. Комендант города В. Смолин». Так-то, господа... — бормотал Виктор в предвкушении будущей власти.

Кавалерия двинулась. Темиркан приник к биноклю. Он видел, как все ускоряется движение, как сотни размыкаются на взводы, полувзводы, как весь строй приобретает вид гигантского полумесяца, имеющего целью охватить позиции противника с флангов. А вот и «урра» — как раскатилось оно над холмистой равниной! — и шашки из ножен! Тысячами молний мелькнули они при восходящем красном, без лучей солнце. Смолин перекрестился и удержал коня, просившего поводьев.

— Сейчас, Мальчик, сейчас,— бормотал он, сдерживая коня, нетерпеливо переступавшего с ноги на ногу.

— Урррра-а-а-а-а!

Но красные молчат, подпуская все ближе.

— Выдержка крепкая, а против лавы не удержаться! — бормотал Смолин.

— Туда глядите, все туда глядите! — вдруг взвизгнул Темиркан.

И этот несвойственный ему взвизг прозвучал так неожиданно, что Смолин и Аркебузов вздрогнули и повернули головы в ту сторону, куда указывал Темиркан.

Со стороны города, слева, очевидно, из ложбины, отсюда невидимой, быстро выносились один за другим зеленые военные грузовики. Шесть, восемь, десять, двенадцать, четырнадцать — парами... Выходя на левый фланг несущейся кавалерийской лаве, они один за другим, с быстротой, которую трудно было ожидать от этих довольно грузных машин, поворачивались, и стало видно, что в их кузовах поставлены пушки. И вдруг оглушительный грохот покрыл собой все.

Стрельба шла не более чем со ста сажен. Дым покрыл местность, все смешалось, движение лавы нарушилось, «ура» быстро спадало и сменялось отчаянными криками и стонами.

Аркебузов охнул и повернул коня. Пригнувшись к шее лошади и держась за гриву, он поскакал в сторону Арабыни.

— Пристрелить? — кивнув в его сторону, спросил Смолин, побледневший настолько, что веснушки на его лице выступили, словно оно было усыпано пшенной крупой.

— Черт с ним! — ответил Темиркан.— Теперь, Смолин, только выдержка, выдержка, черт вас возьми! Берите моих конвойных и скорее поворачивайте все сотни, еще не вступившие в бой, назад, в Арабынь. Я поскачу туда, подготовлю артиллерийский огонь против этих большевистских шайтанов.

Смолин откозырял и во главе Темиркановa конвоя поскакал в ту сторону, где за минуту до этого пронеслась сверкающая клинками грозная кавалерийская лава и откуда сейчас, повернув отчаянно ржущих коней и бешено настегивая их, поодиночке улепетывали в тыл отдельные всадники.

Темиркан, раньше чем повернуть коня, еще раз оглядел холмистую равнину.

Он видел, что сотни, приближающиеся с тыла, задерживаются — даже на расстоянии

чувствовалось их замешательство. Снаряды рвались то ближе, то дальше. Снова ближе и опять дальше. Грузовики, вооруженные пушками («Просто и находчиво»,— не мог не оценить маневр врага Темиркан), приближались, поворачивались, давали залп и снова катились вперед. И он ведь знал, что к большевикам пришла автомобильная рота! Но разве можно было предполагать, что они до этого додумаются?

Дядя Асланбек, оставшийся при Темиркане, тронул его за рукав и указал вправо: на расстоянии от них не более чем за двести сажен появилась одна из этих машин.

— Не будем искушать аллаха, Темиркан, — с трудом выговорил Асланбек. Губы у него были серые.

Поворачивая коня, Темиркан случайно взглянул в неподвижное рябое лицо каменной, непонятно кем и когда поставленной бабы. И такое злорадство почудилось ему в выражении этого лица, что он не удержался, стегнул нагайкой по нему так, что белая полоса пролегла от огромного выпуклого глаза через сплюснутый нос. Но выражение лица не изменилось. Да и что могло измениться? И разве он занес руку на этого каменного идола? Он занес руку на судьбу свою, всегда отнимавшую у него победу в самый последний миг.

Темиркан скакал в Арабынь, и следом за ним катилось сражение. А на первой машине, которая вырвалась вперед, стоял Виктор Зябликов в солдатской папахе, с широкой красной лентой. Одной рукой держался он за ствол орудия, другой дирижировал, и находившиеся вместе с ним в кузове машины Гребенщиков, Москвиченко и другие артиллеристы пели, и детский голос Сени выделялся громче всех:

Многи лета, многи лета,
Новый русский великан...

ПЕРЕД СУДОМ РАСИСТОВ

Тревор ХАДДЛСТОН

В январе в Иоганнесбурге — самом крупном городе Южно-Африканского Союза — начался процесс по делу 156 человек, обвиняемых в государственной измене. Что же совершили эти люди?

Южно-Африканский Союз уже давно заслужил печальную известность страны, которую власть имущие расисты превратили в ад для тех, у кого не белый цвет кожи, в ад для коренного населения Южной Африки. «Цветные» обречены на каторжный труд и полуголодное существование. Нет конца преследованиям и репрессиям фашистского образца, которым подвергаются они в собственной стране.

Но освободительное движение в Южно-Африканском Союзе не прекращается. В июне 1955 года, несмотря на запугивания и полицейские преследования, демократические организации ЮАС созвали Конгресс народа. В его подготовке участвовали Африканский национальный конгресс, Южноафриканский индийский конгресс, Южноафриканская организация цветных народов, Южноафриканский конгресс демократов. Была принята «Хартия свободы», в которой говорилось:

«...Наша страна никогда не станет процветающей и свободной, пока весь наш народ не будет жить в братстве, пользуясь равными правами и возможностями».

Конгресс народа заявил:

«Южная Африка принадлежит всем, кто живет в ней, черным и белым, и ни одно правительство не может требовать власти на законном основании, если оно не опирается на волю народа».

Дальнейшая работа Конгресса была сорвана полицией. Начались аресты, полицейские совершали налеты на помещения демократических организаций. Людей, выступивших за демократию, объявили преступниками.

И вот сейчас 156 из них на скамье подсудимых, огороженной железной решеткой. По законам Южно-Африканского Союза, их могут казнить. Их назвали изменниками. «Одно является бесспорным, — писал по поводу процесса прогрессивный английский журнал «Уорлд ньюс»,— каждый из обвиняемых является изменником в отношении идеи превосходства белого человека». Это и есть самое страшное преступление в глазах расистских правителей Южно-Африканского Союза. За железную решетку вместе с обвиняемыми они хотели бы посадить самую мысль о возможности равноправия белых и черных. Но это свыше их сил. Миллионы и миллионы людей все решительнее демонстрируют свою волю к победе над колониальным угнетением, над расистскими порядками.

Мы печатаем здесь статью из английского еженедельника «Трибюн», написанную южноафриканским священником Тревором Хаддлстоном в связи с процессом в Иоганнесбурге.

На скамье подсудимых по обвинению в государственной измене находится более ста пятидесяти южноафриканских граждан: европейцев, африканцев, индийцев, цветных.

Я сказал: граждан? Да, но из них только европейцы имеют гражданские права: например, право участвовать во всеобщих выборах, право жить там, где они хотят, право заниматься ремеслом или профессией по собственному выбору. Однако теперь и эти европейцы уже не имеют больше права покинуть Южную Африку.

Их паспорта конфискованы. Выдача паспортов в Южно-Африканском Союзе происходит под контролем министра внутренних дел, и иметь паспорт — это привилегия, а не право.

Другие — числом более ста — являются бесспорными гражданами Южно-Африканского Союза по самому факту своего рождения: это их страна, и она всегда была их страной.

Но, кроме права дышать ее воздухом и ходить под ее голубым небесным сводом (и своими руками поддерживать промышленность страны, ее шахты, ее торговлю), они не могут рассчитывать на другие права и привилегии. Ведь они черные!

Это и представляет действительную причину процесса о государственной измене. Почти наверняка в качестве главного оружия обвинения будет использован Акт о подавлении коммунизма 1950 года.

Среди прочего этот акт определяет коммунизм как «**любую** доктрину или план, направленные на осуществление **любых** изменений внутри Союза в области политической, промышленной, социальной и экономической путем организации волнений и беспорядков, путем незаконных действий или допущения подобных действий, а также путем угроз незаконными действиями или допущения этих угроз...»

В настоящее время Южно-Африканским Союзом управляют представители, избранные двумя с половиной миллионами европейцев, живущих в этой стране. Огромное большинство населения лишено права избирать как в местные, так и в центральные органы власти.

Профсоюзы объединяют только белых. Недавно введенное законодательство направлено против профсоюзов, которые объединяют неевропейцев. Африканские профсоюзы не могут действовать без того, чтобы они не стали жертвой обвинения в «измене» или в каком-либо другом преступлении. Забастовки являются незаконными. Организовать забастовку — это коммунизм.

Золотые прииски и связанные с ними отрасли промышленности базируются на дешевом труде африканцев. На работах, требующих высокой квалификации, используются только белые.

Две резервации для африканцев (13 процентов всей территории страны) не обладают ресурсами, чтобы прокормить нищее население, живущее здесь. Обитатели этих резерваций находятся в отчаянной нищете и часто стоят на грани голодной смерти.

В городах, где живут и работают два с половиной миллиона африканцев, нищета так велика, что главными причинами детской смертности (более 250 случаев на тысячу новорожденных в таких местах, как район Александры или лагерь Морока в Иоганнесбурге) являются недоедание и «скрытый голод».

Чтобы предотвратить «проникновение» африканцев в «белые» города и в то же время извлекать выгоду из их труда, введены и безжалостно применяются «законы о пропусках». По сути этих законов каждый африканец—мужчина, которому исполнилось 16 лет, — является потенциальным преступником, если он идет куда-нибудь, не имея при себе пропуска. Но если даже у него и есть

НЕГРЫ США ПРОДОЛЖАЮТ БОРЬБУ

А. СЕРБИН,
Л. ТЮРИНА

На улицах американского города Монтгомери (штат Алабама) вновь появились белые балахоны ку-клукс-клановцев. Снова гремят выстрелы: это расисты охотятся за неграми. Новыми расправами и бесчинствами они пытаются остановить бурно нарастающее освободительное движение негров в Соединенных Штатах.

1 декабря 1955 года в городе Монтгомери полиция арестовала негритянку Розу Паркс за то, что она не уступила место в автобусе какому-то белому мужчине. Через четыре дня ее судили и приговорили к штрафу. Это было каплей, переполнившей чашу терпения негритянского населения. Негры объявили бойкот: 50 тысяч негров — более трети населения города — отказались пользоваться автобусами, пока не будет положен конец оскорбительному разделению пассажиров по цвету кожи.

В ответ расисты устроили взрывы в домах руководителей бойкота — священника Мартина Кинга и проводника вагонов Э. Никсона. Мэр Монтгомери Вильям Гейл пытался сломить бойкот силами полиции. Над руководителями бойкота был устроен суд на основании... закона против стачек. Мартина Кинга приговорили к штрафу в 500 долларов.

Но автобусы продолжали ходить полупустыми. Автобусная компания потеряла 768 тысяч долларов и вынуждена была отменить сегрегационные правила. Тогда комиссар полиции Клайд Селлерс пригрозил водителям автобусов арестом, если они не будут соблюдать прежних правил.

На улице в Монтгомери (снимок из итальянского журнала «Темпо»)

Между тем бойкот усиливался. Летом 1956 года к нему присоединилось негритянское население города Таллахаси.

Только 13 ноября, почти через год после того, как негры Монтгомери стали бойкотировать автобусы, Верховный суд США вынес определение, что сегрегация в автобусах Монтгомери является незаконной. И 21 декабря бойкот в Монтгомери был прекращен. Большинство белых граждан города встретило исход борьбы с одобрением.

«Дни хождения пешком кончились для свободолюбивого народа Монтгомери. И это не только победа негров, но и победа демократии!» — сказал один из руководителей бойкота, священник Абернати.

Но расисты не успокоились. Через день после решения Верховного суда США мэр Монтгомери Гейл заявил, что город будет «вводить сегрегацию силой».

В Монтгомери среди бела дня состоялся митинг ку-клукс-клановцев.

— Я думаю, что неграм нужна не интеграция (уравнение в правах), а похороны,— вещал на митинге один

Процесс вызвал кровавые столкновения в Иоганнесбурге. Полиция безжалостно расправлялась с демонстрантами.

Патриотов, которые хотели видеть свободной свою родину, обвинили в государственной измене. Как опасных преступников, их вводят в помещение суда, заставив поднять руки.

пропуск, то он с такой же вероятностью может попасть под арест за какую-либо «неисправность» в этом документе.

Южноафриканская полиция организована по военному образцу и имеет армейское вооружение. Тем из нас, кто знает Иоганнесбург, хорошо известно, что полицейские применяют против демонстрантов лишь одно средство — автоматы и револьверы.

Перед лицом всего этого, не имея конституционных средств, чтобы «осуществить какие-либо изменения в области политической, промышленной, социальной или экономической», Африканский национальный конгресс, Индийский конгресс, Конгресс демократов и другие организации попытались изобрести какое-то средство, которое могло бы оказать влияние на спящую совесть хотя бы «либеральных» белых в Южной Африке.

Вот за эту попытку они и предстали теперь перед судом.

Предполагается, что они «вызвали волнения или беспорядок». Но так ли это или нет, каково бы ни было обвинение, которое будет вынесено им, я знаю взгляды, которыми они руководствовались; я разделял их и разделяю их сейчас.

Пройдитесь по убогим улицам района Александры. Зловоние из открытых сточных канав, тянущихся вдоль улицы; вызывающие жалость очереди детишек, которые дожидаются своей порции хлеба и молока у благотворительных столовых; встречающиеся каждый день арестованные в наручниках; хулиганы на перекрестках, стоящие без дела и угрожающие прохожим, потому что они **не могут** получить работу, потому что **не могут** выйти в город без боязни попасть под арест; полицейские участки, где выдаются пропуска и откуда доносятся оскорбительные замечания по адресу негров; постоянное отрицание человеческого достоинства — вот то, что вызывает «волнения и беспорядок».

Я бы предпочел, чтобы меня назвали изменником и наказали за это, чем совершить другую измену и отрицать присутствие божие в моем ближнем.

Если утверждать человеческие права и достоинства — это коммунизм, тогда я коммунист; и если бороться за это — государственная измена, то я горд быть изменником.

Одна из участниц демонстрации шлет проклятия расистам.

Протесты против расистского процесса около здания суда.

из вожаков ку-клукс-клана, Хори.

Через несколько дней пятеро белых мужчин избили негритянку, когда она выходила из автобуса. Один из автобусов, где ехали негры, был обстрелян из пулемета. 10 января были брошены бомбы в четыре негритянские церкви и дома двух священников. Повредили и дом белого священника Граца, противника дискриминации.

В те дни, когда бесчинства расистов в Монтгомери достигли наивысшей точки, негры других городов американского юга тоже развернули борьбу за прекращение сегрегации. В Новом Орлеане негритянская организация официально потребовала прекращения сегрегации в автобусах. С таким же требованием обратились в суд графства Шейби негры города Мемфис. Борьбу подхватило негритянское население Бирмингема и Майами.

9 января расистам был брошен вызов в столице штата Джорджия — Атланте. Шесть негритянских священников города заняли в автобусах места, предназначенные для белых, и сошли только тогда, когда автобус сняли с рейса. Полиция и национальная гвардия были приведены в боевую готовность, но негритянские священники и на следующий день с пением религиозных гимнов и с томиками библии в руках снова заняли в автобусе места для белых. Тогда по распоряжению губернатора Джорджии Гриффина все шестеро были арестованы.

Новый негр появился на юге Америки. Он освободился от чувства страха и приниженности, воспитанных долгими годами рабства и угнетения. И этот негр полон решимости стать наконец полноправным гражданином Соединенных Штатов.

Негритянские священники в городской тюрьме Атланты (штат Джорджия), арестованные за нарушение правил сегрегации в автобусах.

→ Полицейские удаляют двух негритянских студентов из автобуса в городе Майами (штат Флорида).

ЛЕТОПИСЬ НАРОДА

Тридцать три года жизни из шестидесяти Мао Дунь (Шень Янь-бин) отдал литературе. Вместе с великим Лу Синем он боролся за создание в Китае новой, революционной, реалистической литературы. «Я много думал над миссией писателя, желающего быть писателем-революционером,— писал Мао Дунь.— Мне казалось, что социальный долг художника — создать произведения, близкие явлениям и фактам жизни. Я считал, что только та литература имеет право на внимание читателя, которая отражает общественную жизнь. Вторгаться в жизнь, проникать в самые сокровенные ее тайники — призвание художника. Пристально наблюдать настоящее, анализировать настоящее — вот призвание писателя, если он хочет стать летописцем своего народа».

В этих словах заключено литературное кредо писателя. Мао Дунь — писатель, пристально вглядывающийся в настоящее, живущий интересами своей эпохи. Государственное издательство художественной литературы в Москве выпустило трехтомное собрание избранных сочинений писателя. В первый том включены два романа: «Колебания» и «Радуга». Во второй том сочинений входит выдающееся произведение Мао Дуня — роман «Перед рассветом», впервые опубликованный в 1932 году. В третьем томе читатель находит лучшие рассказы писателя («Весенние шелкопряды», «Осенний урожай», «Сын пошел на митинг», «Один день», «Комедия», «Первая половина рабочего дня» и другие), а также повесть «Их было трое».

Мао Дунь не только прекрасный писатель, но и выдающийся публицист и литературный критик. Работы публицистического и литературоведческого характера также представлены в третьем томе сочинений. Здесь помещены выступление писателя на Первом всекитайском съезде работников литературы и искусства в 1949 году («Борьба за революционную литературу и искусство и их развитие в условиях господства реакционного гоминдана»), выступление на Втором всекитайском съезде работников литературы, а также статья «Последовательно и всесторонне развертывать критику литературных взглядов Ху Фына».

Появление трехтомного собрания избранных сочинений Мао Дуня на русском языке — значительное событие в нашей культурной жизни. Впервые произведения писателя переводятся на иностранный язык в таком объеме.

О семьях, в которых особенно любят литературу, в Китае принято говорить, что это семья «с книжным ароматом». В нашей стране таких семей теперь миллионы. Мы гордимся этим и радуемся тому, что в этом «аромате» все отчетливее ощущается и «аромат» китайской литературы.

Революция, как молния, движется зигзагами. Она ослепляет и пугает слабых. Об этом рассказывается в трилогии «Затмение» (романы «Разочарования», «Колебания», «Поиски»). Но сильных революция радует и вдохновляет на борьбу. Она не приносит им разочарований, не вызывает в их сердцах колебаний, для них она несет солнечный свет после бури (роман «Радуга»). Как ни страшна буря и как ни темна ночь, на смену идет рассвет — эта мысль пронизывает лучший роман писателя, «Перед рассветом», обличающий компрадоров и крупную китайскую буржуазию.

Трилогия «Затмение», появившаяся в 1927 году, стала заметным явлением в китайской литературе. Мао Дунь нарисовал со свойственным ему мастерством яркую картину жизни Китая в период революции 1924—1927 годов. Встретившая революцию с горячим энтузиазмом мелкобуржуазная интеллигенция пришла в смятение в период временного поражения, она начала разочаровываться в своих идеалах, колебаться и впадать в отчаяние. В конце романа «Колебания» Мао Дунь рассказывает о галлюцинации, охватившей одну из героинь романа — госпожу Фан.

«Вдруг раздался страшный грохот, будто обрушилось небо и разверзлась земля. Это рухнуло древнее здание... Над только что образовавшимися развалинами появился черный дым...»

Героиня видит, как из-под руин выбираются «маленькие существа», которые «убегали, падали, из последних сил боролись, сопротивлялись». Нарисованная автором картина имеет символический смысл. Рухнувшее древнее здание — это старый, феодальный Китай, а «маленькие существа» — те самые мелкобуржуазные интеллигенты Фан Ло-лань, Сунь У-ян и сама госпожа Фан, историю которых рассказал Мао Дунь в романе,— люди, погибающие под обломками старого мира.

Совершенно иным настроением проникнут следующий за трилогией роман Мао Дуня «Радуга», в котором создан образ девушки Мэй, нашедшей свое место в революционной борьбе для того, чтобы «сплотить тысячи сердец в одно огромное, бурно бьющееся сердце».

«Уже в ранних произведениях Мао Дуня,— отмечает во вводной статье Н. Т. Федоренко,— наметились основные черты его художественного творчества — это прежде всего показ значительных социальных явлений эпохи, типических представителей различных социальных слоев».

Особенно сильное впечатление оставляет роман Мао Дуня «Перед рассветом», в котором дается убийственная характеристика китайской крупной буржуазии, олицетворенной в образе биржевого дельца У Сунь-фу.

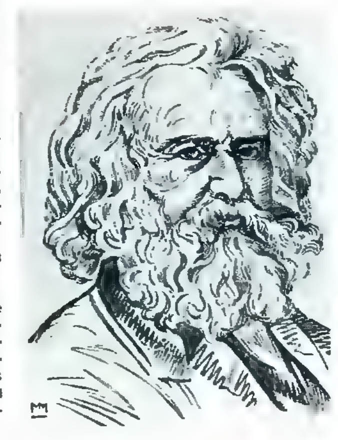
Романы и повести Мао Дуня историчны. Их историзм основан на знании законов общественного развития. Его произведения — это глубокие раздумия писателя над судьбами своего народа и революцией.

Китайский народ мудро говорит: «Открой книгу — и ты найдешь в ней новую мысль». Каждая книга несет нам новый мир мыслей и чувств, и этот мир особенно интересен, если создан он таким писателем, как Мао Дунь.

В. НЕДИН

Мао Дунь. Сочинения в трех томах. Составление, вступительная статья и общая редакция Н. Т. Федоренко. Гослитиздат. Москва. 1956.

Живите впредь, как братья!

Генри Лонгфелло.

Будьте братьями друг другу!
...Закопайте в землю луки,
...Закурите Трубку Мира
И живите впредь, как братья!

Эти слова были написаны более ста лет тому назад американским поэтом Генри Лонгфелло в поэме «Песнь о Гайавате».

Призыв к дружбе между людьми всех племен и народов, к уважению достоинства человека независимо от цвета кожи и социального положения проходит через все творчество Лонгфелло.

Поэт, который, по словам И. Бунина, всю жизнь посвятил на служение высшему и прекрасному, призывал людей к миру, любви и братству...

В начале 40-х годов XIX века Лонгфелло, молодой профессор кафедры европейской литературы и языков в Гарвардском университете, выпустил в свет сборник стихов «Песни о рабстве».

Образы замученных, угнетенных негров, обреченных на положение рабочего скота на плантациях, вызывали у читателей протест против рабства. Не случайно «Песни о рабстве» пользовались популярностью в России 60-х годов, накануне отмены крепостного права.

Лев Толстой, говоря о русской литературе дореформенных лет, прямо сближал ее социальный протест с пафосом американских писателей середины прошлого века. Среди писателей, выдвинувшихся в Америке в годы борьбы за уничтожение рабства, Толстой назвал Лонгфелло наряду с Бичер-Стоу, Эмерсоном.

Лонгфелло не был революционером. Его стихи не призывали к борьбе: он искал выхода в религии. Но нарисованные им картины обличали позор работорговли, утверждали равенство всех людей.

В стихотворении «Сон негра» поэт говорит о том, что мечта о свободе никогда не оставит человека. В другом стихотворении поэт прямо предупреждает рабовладельцев, что раб

...поднимет руки в скорби исступленной
И пошатнет, кляня свой тяжкий плен,
столбы и основанья наших стен.

Лонгфелло написал много различных произведений. Его перу принадлежат сборники стихов и переводов, новелл, поэм, романов и пьес. Но мировую славу принесло поэту одно произведение — замечательная поэма «Песнь о Гайавате».

«...Главное, что навсегда упрочило за «Песней о Гайавате» славу,— писал И. Бунин, лучший русский переводчик поэмы,— это — редкая красота художественных образов и картин, в связи с высоким поэтическим и гуманным настроением».

В основе «Песни о Гайавате» лежат древние легенды, предания индейцев Северной Америки. Лонгфелло собрал и обработал огромный материал, необычайно интересный, поэтичный и свежий. Историческая правда органически переплетена в поэме со сказкой, действительные события — с неуемной народной фантазией.

Гайавата — лицо историческое, вождь индейского племени ирокезов, герой песен и сказаний. В изображении Лонгфелло Гайавата — могучий богатырь, мудрец, друг людей и природы.

Победив злого волшебника Меджисогвона, он

...богатство чародея
Разделил с своим народом,
Разделил по равной части.

Формальное построение «Песни о Гайавате», ее размер Лонгфелло в какой-то степени заимствовал из всемирно известного финского эпоса «Калевала». Индейские легенды он кое-где дополнил религиозными рассуждениями, пытаясь оправдать политику европейских колонизаторов в Америке. Но народная основа поэмы, ее высокое художественное совершенство — главное в «Песне о Гайавате». Она волнует читателя гуманистическими мыслями, красотой картин природы, поэтичностью образов. Это подлинная жемчужина в творчестве Генри Лонгфелло, 150-летие со дня рождения которого отмечает советская общественность.

О. СМЕКАЛИНА

Первая буря

С первых строк этой книги читатель попадает в кабинет Николая II. 1905 год, январь. В столице бастуют рабочие. Перепуганный царь чувствует приближение грозных событий... А еще через три страницы в книге появляется солдат Степан Важеватов.

Николай и Важеватов — не просто два разных человека, это две разные России: Россия прошлого и Россия будущего. Это символическое противопоставление царя и простого солдата чувствуется на протяжении всей книги Аркадия Васильева «Смело, товарищи, в ногу...». По широте охвата событий повесть Васильева — это летопись первой русской революции. Обилие персонажей, представляющих самые различные слои общества, показ больших классовых движений — все это создает ощущение духа времени.

Аркадий Васильев отлично чувствует меткую художественную деталь. Вот сцена суда над Степаном Важеватовым, которого по ложному доносу осуждают на смертную казнь. После оглашения приговора судьи вышли. Из-за плохо прикрытой двери слышится голос председателя суда, только что отправившего невинного человека на смерть: «— Курите, господа, курите. Я так давно бросил это занятие, что меня теперь дым абсолютно не раздражает». Несколькими словами царский сатрап разоблачил себя: он не судья, а равнодушный палач.

В повести говорится о деятельности иваново-вознесенских большевиков под руководством Михаила Васильевича Фрунзе. Правда, образ Фрунзе обрисован несколько упрощенно. Лет пять назад Аркадий Васильев издал книжку рассказов о Фрунзе — «Товарищ Арсений». Писатель без существенных изменений перенес в новую повесть ряд страниц из прежней книги, которые выглядят неорганичными в большой повести. Мы видим, как растет популярность «товарища Арсения» среди рабочих, но мы не чувствуем внутреннего роста его. А ведь Фрунзе было тогда всего 20 лет, и он еще только складывался как крупный партийный руководитель.

Отдельные неудачи писателя досадны, но книга Васильева получилась все же хорошая. Живые образы Степана Важеватова и его друзей, участников первой революции в России, встают перед читателем повести. Это определило удачу книги.

Э. ДОЛОТОВ

Арк. Васильев. Смело, товарищи, в ногу... Повесть. Рисунки К. Туренко. Детгиз. 495 стр. 1956.

НА ХУТОРЕ ВЕРБОВОМ

Рассказ

Семен БАБАЕВСКИЙ

Рисунки В. ВЫСОЦКОГО.

Дорогу замело. Сугробы лежали еще свежие, зеленоватые, с искорками на зализанных ветром гривках. Наш «ГАЗ-69» буксовал, гремел цепями, и снег, нещадно смятый, растертый и нагретый резиной, взлетал из-под колес рыжими комочками.

Возле хутора Вербового мы часа полтора разрывали сугроб, а когда выбрались и въехали в широкую и пустую улицу, в баке почти кончился бензин. Хутор стоял в пойме мелкой перемерзшей речки. К единственной улице подходила горбатая, мрачного вида гора. Ветер срывал с ее горба мельчайшую белую пыль, она метелью курилась и оседала на черепичных крышах коровников, на шпилях силосных башен, стоявших в затишке под горой... По-зимнему рано вечерело.

Заночевать можно было на хуторе, а вот где раздобыть бензин?.. И я вспомнил, что в Вербовом живет Григорий Афанасьевич Калюжный. Мы познакомились год назад на краевом совещании животноводов. Это был мужчина немолодой, плечистый, рослый. Мягкие волосы на его крупной голове давно были обласканы сединой, а вот клочковатые жесткие брови и опущенные на украинский манер усы были чернее смолы; глядя на их сизую черноту, можно было подумать, что они крашеные.

— От природы они у меня такой жгучей масти, — смеясь, говорил Калюжный. — Я старею, а они, черти, не белеют...

На трибуне стоял он свободно, смело, как человек, которому «держать речь» было делом обыденным, привычным. Говорил смешно, с прибаутками.

— Удивляюсь, как могло случиться, — сказал он мне, — что ты, до сей поры не побывал в Вербовом? Это же лучшее молочное хозяйство во всем предгорье, а я там глава правительства! А какой хутор! Тут речка, там гора, а на горе травы стелются без конца и края. Приезжай летом, это же не местность, а курорт! Непременно приезжай, и прямо ко мне. Спросишь Григория Калюжного — там меня всякая собака знает. Живу под горой, в центре Вербового...

Вот и дом, который точно стоит в середине Вербового, возле отвесной, как стена, скалы. Я постучал в калитку. Появился высокий парень в стеганке, без шапки. Я посмотрел на него и поразился: как же он был похож на моего знакомого животновода! Мне показалось, будто это и был тот самый Григорий Калюжный, только снявший свои черные усы и помолодевший этак лет на тридцать.

— Батько тут не проживает, — сурово, не глядя на меня, сказал юноша. — Где проживает? На хуторе... Ежели он вам нужен, так поезжайте к его вертихвостке... На краю хутора хата под камышом. Спросите Машу Журавлеву...

Делать было нечего, подъехали и к хате под камышовой кровлей. Камыш запорошило снегом, а ставни на маленьких оконцах были такие синие, точно их облили ультрамарином. Двор небольшой и по-хозяйски огорожен плетнем. За изгородью теснились домашние постройки, шалашом возвышался стожок сена. Всюду — гуси, утки, куры. Их кормили, и они ели жадно, торопливо, мешали друг другу и подымали такой разноголосый гомон, что глохли уши.

— Куда ж мы попали? — удивился шофер. — Чи, може, на птицеферму?..

Птичьим голосам надсадно подвывал сидевший в закуте голодный кабан. Телок, смирный и ко всему безучастный, просунул в калитку голову и смотрел на нас просящими глазами. Тявкнула и умолкла собака...

Сладко, по-домашнему запахло парным молоком. К плетню подошла хозяйка с дойницей, прикрытой полотенцем. Это была не по летам красивая, темноволосая и чернобровая казачка, природной смуглостью лица и агатовым блеском больших горячих глаз похожая на моложавую цыганку. Узнав, что нам нужен Калюжный, приветливо улыбнулась и открыла ворота. Отнесла в сенцы молоко, появилась снова, распугала птицу, так и нырявшую под колеса, отвела в сторону телка, и наш вездеход, завьюженный, сизо-белый, как ямщицкая кибитка, вкатился в тесный двор.

Шофер занялся машиной, спускал из радиатора воду, метлой счищал с тента примерзший снег. Меня же хозяйка препроводила в теплую и светлую горницу. Постояв у порога, осведомилась:

— Вы-то, случаем, не по делу моего Гриши?

— Нет-нет! — поспешно ответил я, не понимая, о каком деле она говорит. — Он как-то приглашал. И вот такой неожиданный случай... А где сам Григорий Афанасьевич?

— Уехал в район. Еще с утра. Там сессия, а он районный депутат... Должон вот-вот заявиться... Вы раздевайтесь, у нас тепло. — И, тяжело вздохнув, опустила глаза. — Эх, если бы вы только знали, какое у Григория Афанасьевича горе!.. Просто такая в жизни у него произошла неприятность, что и словами не передать.

— А что случилось?

— Пусть лучше сам все расскажет... Разве я смогу? Он скоро приедет. Может, вы ему в чем подсобите... Я побегу. Хозяйство у меня!..

В соседней комнате она гремела ведрами, процеживала молоко. Потом в окно я видел, как она бегала в сумерках и то поила телка, то относила корм кабану, то загоняла в закут гусей.

В тепле я быстро согрелся. Осмотрел комнату. Все здесь было поставлено к месту и давно обжито: и двухспальная кровать с горкой больших и малых подушек, с периной, застланная одеялом узорчатой строчки; и во всю стену растянутый, видимо, купленный на базаре холстик, на котором была изображена спящая русалка с голыми плечами, с непомерно длинными руками и смолистой толстой косой; и стол между окон, весь заставленный фотографиями, пустыми флакончиками, баночками, коробочками; и украинской вышивки рушники, обнимавшие в углу крохотную икону, блестевшую ржавой позолотой; над ней лампада, круглая и черная, как мячик.

Проворно, легко вошла хозяйка и, вытирая о фартук руки, объявила, что ее зовут Мария Ефимовна, «а ежели по-нашему, по-простому, то Маша», что она принесла для меня и шофера воды умыться. Я вышел в сенцы. Когда же умылся и вернулся в горницу, то в углу уже не было ни украинских рушников, ни лампадки-мячика, ни иконки.

— Вы поглядываете на меня и, наверно, в голове раздумываете, кем же мне доводится Григорий Афанасьевич. — Маша смущенно улыбнулась и присела на лавку. — Муж он мне... Живем мы, правда, недавно, с осени, и покамест еще без бумаги, а так, незаконно, сказать, на веру...

— Где же свой, законный?

— Война унесла, где еще?.. — Вздохнула, скрестила на груди сильные, рабочие руки. — Хлебнула вдовьей жизнюшки, а тут случился хороший человек... Ну, мы и сошлись... У Гриши два сына, оба взрослые. И все было бы по-хорошему. Жена его, женщина смирная, сознательная, поплакала, потужила, а так, чтобы скандалить или там еще чего, — не было.

И мне ее по-бабьему жалко: будь любая из нас на ее месте... Как-то нечаянно мы встретились... возле речки, по воду пришли разом... «Тебе, — говорит, — Маша, я и по гроб жизни не прощу, а Григорию, — говорит, — передай: на него зла не таю; это — его дело, не такая — ушел, и пусть живет...» И все в хуторе с этим примирились. — Она опять вздохнула, наклонила голову. — Но люди, наши ж колхозники, после этого так въелись в Гришу, так обозлились на него, что беда! Начали наговаривать на него всякие небылицы, будто он и с колхозниками необходительный, и будто молоко тайком продавал на базаре в Зеленчукской, и будто масло возил районному прокурору... Брехня все это! Один раз, верно, было, свое молоко возили в район. У меня есть корова, птицы. Свое продавать не грешно.

Она посмотрела на меня своими черными суровыми глазами.

— Тут, дорогой товарищ, вся эта заварушка не в молоке, а в том, что наши вербовцы в позапрошлом году за Григория Афанасьевича голосовали, своим слугой его изделали, всякие наказы ему давали, а теперь хотят, чтобы этот слуга всех их на руках носил и угождал каждому. Тогда он им был такой хороший, так они его тогда расхваливали — и в газетах и на собраниях... А теперь кричат: не такой слуга, не годится слуга! Топлива у колхозников нету — Калюжный виноват. У бугаятника Семена Чурилова саман пропал — Калюжный в ответе. У доярки Глаши неизвестно с кем прижитый ребенок заболел, и ей, видишь ли, холодно, — опять Калюжного вина... И дошло, дорогой товарищ, до того, что на той неделе колхозники нашей фермы собрались в клубе — и в один голос: отстранить Калюжного от депутатства! А за что? Супротив масс, говорят, пошел. Наказ не исполняет. И это, стало быть, Григорий Афанасьевич супротив своих же хуторян направился? Да кто ж тому поверит? Человек, это все знают, на Вербовом родился, тут возрос, пастухом был, а теперь фермой управляет... К жалобам, говорят, не прислушивается, обижает население... Как начальник, верно, Гриша бывает строгий, приходится, что иного поругает, а на кого и прикрикнет. А как же? Без этого нельзя. Или, говорят, начал выпивать. А отчего? Одна я знаю: все от людских забот и хлопот. Эх, товарищ, трудно нынче стало жить в руководителях! Может, у вас там на верхах и не так гоняют, а в нашем Вербовом люди вконец испортились. Языки у них так поразвязались, что беда! Чуть что — и кидаются в критику и ни на что не смотрят. Раньше, бывало, почитали Гришу, побаивались, сказать, уважали. Я тоже была дояркой и тоже уважала. А ныне? Никакого тебе предпочтенья... Не годится слуга, долой слугу! И все это каламутят бугаятник Семен Чурилов и доярка тетка Голубка. Гром-баба! Это, скажу вам, не голубка, а истинный коршун — так ногтями и вонзается! А язычок? Острее бритвы — так и режет, так и режет!.. И чего только эта Голубка не наговаривала на Гришу... Он и такой, он и сякой...

На дворе давно стемнело и похолодало. Ветер не дул, как это бывает в степи, на равнине, а падал с горбатой горы, кружил поземку, засыпал хутор. Тронутые морозцем и залепленные снежной пылью окна почернели, точно их залило мазутом. Время шло, а Калюжного все не было, и я побаивался, что он и к утру не приедет.

Собеседница моя, видимо, вспомнила о каком-то важном деле и ушла, оборвав рассказ на полуслове. В кухне о чем-то она говорила с шофером, куда-то проводила его... Возвратилась и сказала, что шофер ужинать не захотел, попил молока и «улегся, сердешный, спать».

— По ту сторону сеней у нас есть комната для приезжих, — не без гордости пояснила она. — У Гриши завсегда гости. То приедут из крайзо, то заявится председатель райисполкома Самсон Галактионович, такой, знаете, обходительный да вежливый мужчина... Эх, вот у кого счастливая жена! Грешным делом даже позавидуешь! И охотник — Самсон Галактионович: всегда с ружьем и с собаками. И как пойдут они с Гришей в горы, на кабанов, так неделю, а то и две не заявляются!.. Бывают гости и из Москвы... Куда ж их? Вот Гриша и приглашает к себе... И вам я в той комнате постелила. Только вы подождите Гришу, вместе повечеряете... И где же он запропал, ума не приложу. В поле замело, еще с дороги собьется. — В больших цыганских ее глазах грусть, лицо опечалено. Снова села на лавку, положила сильные руки на колени. — Наши хуторяне как понимают? Облаяли Калюжного, а в районе раз — два — и утвердили: все, долой! А как мыслит та же Голубка? Собрались бабы такие ж зубастые, как и она, подговорили на свою сторону мужиков, накричались вволю, а в районе сказали: правильно кричали. И готово дело, сместили Калюжного... А в жизни-то оно бывает не так. Власть-то идет не снизу вверх, а сверху вниз, как речка... Я хоть и не очень грамотная, а это понимаю. Да и Гриша мне пояснил. Внизу, говорит, кричи сколько твоей душе угодно, хоть разорвись от крика, а ежели наверху не утвердят... Правильно я понимаю?

— Это не совсем так, как вам кажется, — сказал я, не желая обидеть словоохотливую хозяйку.

— А что вы скажете, район утвердит?

— Трудно сказать... Депутаты рассмотрят, разберутся.

— Вот и я так думаю: разберутся — и не утвердят, — уверенно заявила Маша. — Гриша мне тоже говорил, что не утвердят. В районе его знают. Это же лучший заведующий фермой, у него завсегда перевыполнение по молоку. Сколько раз премии получал... Там же собрались люди знающие, не то что наша крикливая Голубка, у каковой одна бабская ругань и никакого тебе понятия жизни... Нет, не утвердят: Гришу в районе ценят. Самсон Галактионович — человек, я вам скажу, умнейший, образованнейший. Так он души в Грише не чает. Любит его, уважает. Помню, прошлой осенью как-то перед вечером приехал. Я тогда уже сошлась с Гришей, но еще работала дояркой. Только что пришла с дойки, еще не умылась, не причесалась. А Самсон Галактионович так одобрительно на меня смотрит, Грише подмигивает. После этого вежливо, обходительно взял мою руку и поцеловал; я чуть было со стыда не умерла. А он смеется, знаете, так радостно и говорит: «У тебя, Мария Ефимовна, руки золотые, они молоком пахнут». И опять смеется... Такой веселый мужчина, шутник... Потом мы его за стол, угостили. Правда, ел он завсегда мало, а рюмочку даже не пригублял: говорит, себя храню, боюсь располнеть... Да, так вот, закусил Самсон Галактионович, прилег на диван, закурил и говорит: «Григорий Афанасьевич, ты же настоящий самородок, весь от земли, и корни у тебя...» Не припомню, как это он красиво выражался насчет Гришиных корней. «Мы, — говорит, — обязательно заберем тебя в район. Корни, — говорит, — твои так разрослись, что им в Вербовом тесно, а в районе им будет как раз хорошо, просторно». И непременно забрал бы, ежели б не эта Голубка, проклятая баба!..

Калюжный явился так неожиданно, что Маша даже вскрикнула: «Ой, батюшки, Гриша!» Он не вошел, а как-то боком протиснулся в дверь, весь косматый, с заиндевелыми бровями и усами, в белой от снега бурке, закутанный башлыком. «Я старею, а они, черти, не белеют», — почему-то вспомнилось мне. «А от мороза побелели», — подумал я.

Он размотал завьюженный башлык, ударил им о ладонь — талый снег посыпался на пол. Маша подбежала к нему, развязала замерзшие, твердые, как проволока, ремешки, взяла с плеч негнущуюся, тяжелую бурку, сняла мохнатую шапку, помогла стащить валенки, полушубок. В галифе, подтянутый армейским поясом, в портянках на крупных ногах, он несмело подошел ко мне, протянул руку, но узнал не сразу.

— А-а... Да, да. Теперь припоминаю... Так это ты что ж, специально на мои похороны прикатил? Позор мой будешь описывать?

— Случай... Сугробы загнали... Бензин кончился как на беду.

— Сугробы? — усмехнулся. — Говорил: приезжай летом. Летом у нас благодать.

— Ну, Гриша, ну, говори, что там было, в районе? — спросила Маша.

— После, после, — буркнул он. — Все узнаешь, дай хоть отойти... В степи такая курева разыгралась, что мы с Никитой чуть не сбились с дороги. Возле Казенного леса санки наши так занесло, что они перевернулись, и мы вывалились в сугроб. Хорошо, что конь смирный — устоял... А как там, Маша, в телятнике, дырки соломой позатыкали? Я ж приказывал.

— Ой, господи, и на что тебе зараз телята? — Маша всплеснула руками. — Говори: утвердили?

— Тебе-то что? — рявкнул Калюжный, блеснув глазами. — Твое, Марья, тут дело двадцатое... Понятно? Опять угол от своих святых очистила? Боишься, чтобы приезжий гость ничего плохого не подумал обо мне? Опоздала... Ну, чего мигаешь глазищами? Готовь поесть. Жрать хочу, как зверюга. Да и гость, наверно, проголодался... Водочка у нас найдется?

Снял полотенце, висевшее возле дверей, и долго, старательно вытирал вспотевшее в тепле лицо, тер седую кудлатую голову, глаза. Когда он подсел ко мне и угостил папиросой, я увидел, что усы его были и в самом деле белые. Тем временем Маша, обиженно-молчаливая и покорная, освободила стол от фотографий и флакончиков, поставила миску холодца, моченую капусту, огурцы, вареные яйца, сметану. Григорий ел мало, нехотя, был молчалив, грустен, жаловался, что голова болит. Пил же много, закусывал огурцом и не пьянел. Только усталое, серое, измученное его лицо сделалось пятнисто-багровым, злым.

Разговор у нас не клеился. Чуть только завяжется, затлеет, как костер из сырого хмыза, и тут же почернеет, погаснет. Калюжный помрачнел еще больше, снял пояс, закинул его за спину и, потягиваясь, будто желая разорвать ремень, сказал, что пора на покой. Перед тем, как уйти в ту комнату, где мне была приготовлена постель, я спросил, можно ли в Вербовом заправить горючим машину. Калюжный смотрел на меня и молчал. Он не понял, о чем я ему говорил, хотя слушал, как мне казалось, очень внимательно. Я повторил вопрос.

— Что-нибудь придумаем, — сухо и неопределенно сказал он, зевая. — Трудно...

— Ну бензин-то у тебя имеется? Дашь взаймы?..

Он насильно, с болью скривил сожженные морозом губы, погладил просохшие усы, горько улыбнулся:

— Может, вместо горючего возьмешь молоко? Этого добра у нас много. Да и в степи такой разыгрался чертополох, что на горючем не попрешь. Придется впрячь в твой вездеход пары две быков. Иначе до шоссе не доберешься.

И он сел на кровать, утонул в перине. Кряхтел, снимал, кланяясь, гимнастерку и совершенно забыл обо мне. Меня проводила Маша. Со слезами, всхлипывая, говорила:

— Ой, как же Гриша переменился! Родная мать не признает. Это ж не Гриша. Разве Гриша был такой сумрачный? Этот как все одно чужой, глядит на меня, мигает, а в глазах одна пустота, как у слепого... Видно, душит его горе, подступило оно к самому горлу, а высказать или, по-нашему, по-бабьему, выплакать не может. Как бывает? Наревешься до хрипоты — и боль с сердца точно рукой снимет... А Гриша гордый — он молчит, томится болью... Поговорите с ним, успокойте.

Я пообещал это сделать утром, и она ушла. Возле плиты, еще теплой, на соломе смачно похрапывал шофер, натянув на себя кожух и бурку. Я завернулся в холодное одеяло, хотел побыстрее уснуть и не смог... Так и пролежал час или два, прислушиваясь к завыванию ветра за окном. И вдруг слышу: скрипнула дверь по-ночному шумно, тревожно. На пороге остановился Калюжный. Постоял, потоптался, спросил глухо:

— Не спишь?

— Собираюсь.

— Вот и я также... И никак не собрался. Ну, ничего, ночь теперь зимняя, длинная.

По-хозяйски, не спеша прикрыл дверь, накинул крючок, подошел ко мне. Зажег спичку, отыскал низенький стульчик, ногой придвинул его к кровати и сел. Был он в нательной рубашке, вобранной в кальсоны. Посидел немного, достал из-за пазухи пачку папирос, коробку спичек, — видно, не на минутку зашел ко мне. Мы закурили. Когда он прикуривал, я увидел его свинцовые, низко свисающие усы и блеснувшие в уголках сощуренных глаз горошинки слез... Курили молча.

— При ней я не стал сообщать свою новость: пусть баба спит себе спокойно. — Поднял голову, сделал шумную, глубокую затяжку, осветил нервно сжатые губы, закрытый, весь в паутине морщинок глаз. — Выговориться мне, друг, требуется. Может, тогда легче станет. А то разные мысли стреножили меня, в иной час так они на меня наседают, что даже делается страшно... Так что извиняй, что сам пришел: потянуло... И ничего я у тебя не прошу — ни защиты, ни подмоги. Разве что какой совет дашь... Это словцо, «отозвали», собой оно смирное, на цвет светлое, сказать, не суровое, а какая таится в нем силища!.. Наслушался я сегодня... Что ни оратор, то и бьет меня этим словом, да так жалит, так жжет! Сижу, голова валится на грудь, шея болит, своим же знакомцам не могу посмотреть в глаза... Всю дорогу Никита правил лошадью, а я гнулся в санках, в муть глядел и все думал: что это со мной такое стряслось?.. Мысли во мне так гуляли, что я не замечал ни тьмы, ни холода, ни сугробов. Первый раз очнулся, когда мы перевернулись, а второй — возле хаты. Никита остановил коня и говорит: «Гриша, ты что там, околел? Вставай, приехали...» И дома та же картина. Лежу, насильно жмурюсь, хочу заснуть, а в голове свое: вот, Григорий, допрыгался, отозвали тебя, как ненужного сукиного сына. То тебя, Григорий, люди звали к себе, всем ты был нужен, а теперь отозвали. От себя прогнали. И, веришь, в один миг как пойдет, как затанцует во мне словесная свистопляска — беда! Какой уж там сон! Вскочить бы да убежать, а куда тикать? От самого себя не утекешь, хоть скачи на край света. — Шмыгнул простуженным носом, дыхнул перегаром водки и табака. — Жизня у меня, дружище, складывалась нелегко, не сразу, и к этой жизни всякая горесть и всякие болячки так и липнули, так и притулялись. То детство было босое, оборванное, то батрачил, свинарничал... Или, скажем, на войне довелось не раз зырнуть смерти в очи. В разведку ходил — какое это переживание!.. Кто плутал по вражьим тылам, тот знает. Припадешь к земле, прилипнешь к ней возле фрицевского блиндажа, чуешь чужой говорок, а сам весь холодеешь от переживания, будто тебя льдом обложили... Но такого, скажу тебе, душевного беспокойства, как теперь, я еще не знал...

Помолчал, поплевал в ладонь, потушил и смял папиросу.

— И вот я все эти дни ломаю свою башку, — заговорил он тихо, — и задаю себе вопрос: а почему? Отчего в меня вселились такие переживания, что иной раз и слезы вышибает? А не могу ответить. Вот насчет силоса или там всяких коровьих рационов — мастак. А в умственном деле — беда! Теория плохая, а кто другой тоже не пояснит. Известно, чужая беда не греет, не знобит... Иной раз подумаешь, может, такое на душе сорганизовалось оттого, что в прежние времена у меня было горе, а тут заявилась ко мне вина, и не перед собой или перед своей жинкой, а перед людьми... Говорили мне на сессии, что я оторвался от народа. Теперь это в моде. Чуть что — оторвался. И я сам думал, что оторвался. А вот сегодня на санках поразмыслил и горько усмехнулся. А был ли я к тому народу как следует привязан или мне это только так показалось?.. И вот мерекаю до коликов в висках, соображаю единолично, и что мне теперь делать, куда прихилить голову, как жить, не придумаю.

— Попробуй вернуться в семью, — робко намекнул я. — У тебя дома жена, взрослые дети...

Он ответил не сразу, раздумывал, легонько покачивая головой. Потом шелестел пачкой, ловил дрожащими пальцами папиросу. Долго курил молча.

— Ты с Никитой точно сговорился. — Шумно всосал сквозь губы воздух, не то собирался рассмеяться, не то всхлипывал. — Никита тоже всю дорогу толковал мне... Бросай, говорит, парубковать да берись за ум, возвертайся к своей Дарье... Признаться, и у меня теплилась мыслишка про Дарью, мог бы, конечно, возвернуться. Дарья — женщина душевная, не оттолкнула бы... А вот сынов боюсь. Они, боровы, подюжее меня, изобьют в смерть... А тут, сказать, и Никита, мужчина хоть и рассудительный, а ничего-то в жизни он не смыслит. Ну что толку, что я прибуду в семью? Или я после этого сделаюсь чистенький, как ангелочек? Никита думает, что эта короста прилипла до меня в тот день, когда я обнял Машу, а ежели б я ее не обнял, то ничего бы и не случилось со мной. И теперь-де надо мне вернуться к Дарье — и готово, очистился сразу ото всех грехов... Э, не-е-ет, не так, друг, все это, не так. И свое распутство не одобряю, но что поделаешь, с кем греха не случается?.. Сдурел на старости лет, погнало к молодой, как ветром в спину... Не устоял. Говорят же про нашего козлиного брата, что седина лезет нам в бороду, а черт прется под самое ребро... В мои ребра, я так полагаю, этих чертей всадилось сразу два... И моя перебежка сюда, к Маше, не начало беды, а ее конец. Себе с болью сознался и тебе скажу... Помню, приключилось это давно, еще до того, как меня вербовцы избрали в районную власть. Как-то весной был я навеселе, в хорошем настроении. Сидел вечерком под яблоней — она вся в цвету и в аромате — и раздумывал о себе, о своих хуторянах. Вот, думаю, все же интересно жизня устроена: есть в Вербовом доярки, телятницы — женщины обычные, неприметные; есть бугаятники, скотники, ездовые, сторожа — тоже люди собой простые. И есть в Вербовом один человек, каковой стоит над ними, управляет ими. Они ему себя доверили, подчиняются, слушаются, уважают. Значит, он лучше доярок или там скотников; и это я, Григорий Калюжный...

Веришь, от этих мыслей мне стало так приятно, внутри разлился такой сладковатый холодочек, что даже помутнело в очах и закружилось в голове. И после этого я сам себя не узнавал. Даже в походке появилась какая-то ровность, прямота. И будто я даже поумнел, честное слово. Всем даю указания, поучаю, а меня слушают, исполняют. Еще вчера у меня был такой себе, обычный, сказать, свой голос, а утром ни с сего, ни с того огрубел, позвучнел, будто за ночь горловину мою медью покрыли. На своих же колхозников зачал покрикивать, смотрел на них, как на чужих, без всякого внимания. Жалость к людям исчезла — вот диковина! У человека какое-либо житейское горе, надо б ему подсобить, а мне хоть бы что. Слушаю жалобу, улыбаюсь и говорю: ну, довольно жаловаться, не велика беда, ничего, потерпишь... И вот тут, дружище, я и приметил, что в душу мою забрался такой крохотный червячок. Смастерил, тварюга, там себе гнездышко и зачал тихо, день в день, с виду будто и неприметно, подгрызать меня изнутри и точить мою совесть, — вот с этого-то все и почалось... А жизнь в нашем Вербовом протекала своим порядком. Пастухи пасли стада, косари косили сено, доярки доили коров. Жил и я, как полагается, управлял людьми, а тот червяк в моей внутренности все присасывался, гад, все разрастался, обживался, паскудное семя... Через год или полтора он уже и к сердцу присосался и так распер мою грудь, что поначалу мне было как-то не по себе... Со временем же привык, и на душе у меня стало легко, спокойно. Я будто помолодел, и вот тогда я впервые подумал: а почему бы мне не поменять мою престарелую Дарью на бабочку помоложе и посочнее? Многие это делают, а я чем хуже... Но я хочу сказать тебе не о своем мущинском грехе — эта история у всех на виду.

И он минут пять молчал, думал.

— Аккурат в ту пору, — продолжал он, — и пришел ко мне с жалобой бугаятник Чурилов Семен. Был он собой казачишка хилый, без физической культуры. Жил Чурилов не на Вербовом, а на Вросколесском — у нас там племенное хозяйство. Жил бедно, даже хатенки своей не имел, а тут еще жинка — баба дебелая — обсыпала его детишками мал-мала меньше. Бугаями Семен управлял волшебно. Глянешь на него и ни за что не поверишь, что такого мизерного человека бугаи, эти звероюги, не только не боятся, а даже обожают. Есть у нас один производитель по кличке «Важный» — это, скажу тебе, не бык, а тигра из уссурийского лесу. Его вся окрестность опасается. Всегда держим на цепях, боимся, как бы не выпорхнул из станка: хаты начнет рогами поддевать и гулять с ними по хутору. А Семен, ты не поверишь, и ласкает его и за ухом у него почешет — возле Семена бык делается смирнее теленка. А то иной раз всем на страх Семен усядется у Важного между короткими, как веретена, рогами, будто на стульчик. Важный покачивает головой, Семен сидит, как на качели, и усмехается... Циркач, а не человек!

Да, так вот заявляется до меня в дом Семен Чурилов. Вижу, лицо у него землистое, заплаканное. «Или, — думаю, — с похорон явился?..» Спросил, что случилось. «Верни, Григорий Афанасьевич, саман... Ить я нахожусь без крова, детишек пожалей...» «Какой такой, — спрашиваю, — саман?» «Да тот, что на сарай строители забрали... Мой саман. Своими ж руками делал». Я засмеялся, а отчего, до сей поры не знаю. Вспомнил, как летом, еще в позапрошлом году, всей фермой мы делали саман для сарая. Чурилов тогда слепил тут же, рядом с нашим, себе с тыщенку самана — на хатенку. С жинкой по ночам трудился, при луне... Приехала из станицы строительная бригада и без моего ведома весь саман подчистую и забрала, сложила стены, поставила крышу. Стоит сарай, и лежит в нем саман Чурилова. Как его оттуда, из стен, возьмешь? Ну, и тянулась эта волокита: «Заступись, Григорий Афанасьевич... Не за меня, а за детишек, им же негде жить. Прикажи вернуть саман, мне ж строиться надо...» Теперь-то я поумнел, говорю себе: надо было бы заступиться. А тогда, чтоб как-нибудь отцепился от меня Чурилов, говорю ему: «Ты вот что, Семен, иди домой, а я поеду в станицу, к председателю колхоза, и поговорю с ним о твоей жалобе». Сел на коня и уехал. И, как на грех, позабыл о чужой беде. Виделся с председателем, обо всем говорили мы, а про

косится: «Ты мне зубы не заговаривай, они у меня не болят, а то и я могу тебе такое сказать... Кто повинен, что все мы в зиму остались без топлива? Летом ты не пустил нас в лес, не дозволил собирать будылья подсолнуха... Если б я была одна, а у меня дите больное...» Я вежливо: у всех, говорю, туговато с дровами, но другие люди не кричат, обходятся. «У других, — говорит, — мужья есть, а я одна, без мужа, маюсь...» «Знаю, что без мужа, но иди в лес, а ты ко мне заявилась...» Поговорили мы с ней, и я спокойно тронул коня. Глаша вцепилась в поводья, побледнела. «Коленька ж помрет...» Я зарысил. Сам себе теперь не верю, а ведь это было... Глаша видит, что я заторопил коня, давай меня крестить и давай клясти... Я смолчал, уехал, а Глаша, как я после узнал, пошла с жалобой на меня до Голубки — есть у нас такая вдовушка, не баба, а казачина в юбке, но женщина справедливая, прямая. Не умолчит... Да... Так они вдвоем с Голубкой ходили в лес, собирали сушняк... Малец вычухался, подрастает, ничего-то с ним не стряслось, а все одно: тут, в груди, у меня и по сей день горько... Теперь-то вижу: не так обошелся с безмужней матерью. И еще неизвестно, что влепят мне по партийной линии... А влепят — как пить дать!

Калюжный привстал, порывисто вздохнул, закурил один, без меня, снова сел и надолго умолк. Голову не вешал,

Семенову беду не вспомнил: выветрилась она у меня из головы... Чурилов жаловался в район, в край. Через год саман ему все же вернули, и в это лето он кое-как слепил себе гнездо, а я-то в каких дураках остался!..

Усмехнулся в усы, как-то странно, точно хотел чихнуть, согнулся, мелко выстукивал пальцами о спичечную коробку, лежавшую у него на коленке.

— Ты слушаешь и, наверно, думаешь: вот развел Калюжный самокритику! — заговорил он, с треском раздавив в руке коробку. — Это я зараз, когда получил подзатыльника, сделался таким чересчур рассудительным. За локоть бы себя угрызнул, да не угрызешь... И после чуриловского самана еще бывали оплошности насчет людей. В эту зиму плохо у нас с топливом. Мерзнут люди. Летом топку не заготовили, а снег лег на полях рано, будылья занесло, солому не подвезешь. Как-то еду на коне по улице, подходит ко мне Глаша Бесхлебнова — доярка. Незамужняя, вольного пошиба бабенка. Все кучерьки на своей голове бумагой закручивала, брови чернила. Смазливая собой—магнит. И до того она докучерявилась, что в прошлом году в декабре стала матерью-одиночкой... Да... Остановил я коня, спросил: «В чем, Глаша, дело?» Она со слезами: «Хата моя, Григорий Афанасьевич, второй день не топлена, а дите хворает... Дай топлива, сынишку жалко, он же у меня единственный...» Я усмехнулся в ус, шуткую: это, говорю, как раз и хорошо, что он у тебя единственный, в твоем девичьем положении их много иметь хлопотно. А она чертом на меня

а немигающе смотрел в белое, запорошенное метелью окно. Ветер свирепо падал на крышу, рвал солому, оторванная ставня поскрипывала и изредка клевала стенку, а в замурованные стекла кто-то горстями старательно бросал сухой снег... Молчал и я. Что тут скажешь? Мне было по-человечески жаль Калюжного, да только ему-то какой прок от этой жалости?

— Куда теперь — ума не приложу. — Растягивал слова, задумывался, точно говорил сам с собой. — К сестре Ольге податься? Сестра живет на Вросколесском. Да и как-то нехорошо будет: ее-то хата стоит по соседству с Чуриловым. И семья у нее большая, а домишко тесный... Одному жить, волком? Не знаю. Одно знаю: упал, так не лежи, а вставай, хоть на карачки, а поднимайся...

В дверь постучали. Калюжный вздрогнул. Оказывается, это Маша. Она звала его к себе. Он встал резко, с хрустом в ногах, и ушел, пообещав вернуться.

Прошло немало времени, а Калюжный не приходил. Я уже начал засыпать, как вдруг в сенцах грохнула дверь и что-то жестяное упало на землю — не то ведро, не то ванна. Послышался торопливый топот ног и истошный крик Маши:

— Куда ж ты, Гриша-а! Куда-а! Или я тебе плохо угождала, Гриша-а! На кого ж ты меня оставляешь, разнесчастную?..

Сильно, точно ее толкнуло ветром, хлопнула наружная дверь. Это ушел Калюжный. Быстро прошел мимо моего окна. Ветер смял его тяжелые шаги. В сенцах надрывно плакала Маша — все тише и тише, пока и совсем не умолкла...

Герои Бреста

Яков ХЕЛЕМСКИЙ

Сидят герои Бреста в Краснознаменном зале—
Политруки, комбаты, медсестры и стрелки.
Их павшими считали, пропавшими считали,
Но вот они, живые, всем бедам вопреки.

Смущенно улыбаясь, сидят в костюмах
штатских.
И каждый, как легенда. А мы их видим вновь
В пилотках пропотелых и в закоптелых касках,
В повязках, на которых запекшаяся кровь.

Мы видим гимнастерки и скромные петлицы,
И звезды комиссаров горят на рукавах,
И отблески сраженья опять скользят
по лицам,
И порохом и гарью июньский день пропах...

Мы слушаем скупые, нескладные рассказы.
Ну, что же, красноречье несвойственно
бойцу.
Но с самой первой фразы мы в схватку
входим сразу,
Мы в дымных казематах, на крепостном плацу.

Мы без воды и пищи, но держим оборону.
Подсумки опустели, пылятся котелки.
Здоровым выдаются последние патроны,
А раненым и детям — последние пайки.

Уже осада длится не сутки, а недели,
И, чтобы не исчезнуть из памяти людской,
Солдат с пробитой грудью под сводом
подземелья
Свое выводит имя слабеющей рукой.

Отрезаны от мира, в кольце неумолимом,
В годину поражений, и горя, и обид,
Отплевываясь кровью, захлебываясь дымом,
Мы верим, верим, верим, что правда победит.

И нам смешны угрозы, посулы и поблажки.
Живыми не уступим сожженных этих мест.
А кто врагом захвачен, в бою изранен тяжко,
Тот и в плену продолжит сражение за Брест.

Тот совладает с пыткой и нестерпимой болью,
Присяге не изменит средь грязи и невзгод,
Вольется в Моабите в партийное подполье,
К бойцам Сопротивленья из лагеря уйдет.

...Сидят герои Бреста в большом парадном
зале,
На сцене освещенной, средь боевых знамен.
В каких тревожных далях с тобой мы побывали,
Предшественник Победы, великий гарнизон!

Победа, ты не только последний штурм
рейхстага
И в подписях солдатских задымленный фасад.
Ты и пожар над Бугом, и зов «Назад ни шагу!»,
И подземелья Бреста, где камни говорят.

Ты — надписи простые под этим сводом
низким,
Что верой заряжают на много лет вперед...
Лежат на старых плитах расстрелянные диски,
И смотрит в амбразуру разбитый пулемет.

ГОСТИ «ЗАПОРОЖСТАЛИ»

Будущие начальники цехов и смен, мастера строящегося в Индии металлургического завода около пяти месяцев проходят практику в цехах «Запорожстали». Здесь же, у мартеновских печей, домен и прокатных станов, можно увидеть и посланцев Китая, и чехов, и поляков, осваивающих сложное металлургическое производство. На заводе их дружески называют: наши гости.

На снимке: обер-мастер Аньшаньского комбината Пай Ань-чжао с друзьями: русским сталеваром А. Н. Сидоренко и индийским металлургом Бал Раджем.

Фото Дм. Бальтерманца.

Конференция в Дели

В столице Индии Дели состоялась первая конференция писателей стран Азии. В работе конференции приняли участие литераторы Индии, Китая, Советского Союза, Бирмы, Пакистана, Японии, Ирана, Непала, Цейлона и других стран.

Мы публикуем заметки члена делегации советских писателей **Г. СЕВУНЦА**, а также снимки индийского фотокорреспондента **П. Н. ШАРМЫ** и члена делегации советских писателей **А. СОФРОНОВА.**

На конференции с речью выступил Премьер-министр Индии Джавахарлал Неру, тепло встреченный делегатами.

В Дели на конференцию писателей мы прибыли вечером.

На аэродроме много встречающих. Некоторые из нас узнают старых знакомых — объятия, поцелуи. Небольшого роста, с седой бородой, в снежно-белой чалме, Курбах Сингх приветствует нас запросто:

— Добро пожаловать! Мы знаем, как тепло вы принимаете гостей на вашей родине. Постараемся отплатить тем же...

На наших товарищей надевают гирлянды цветов. Но вот еще люди, встречающие нас: китайские и корейские писатели... Снова радостные возгласы, расспросы...

Нас всех приглашают к столу. Садятся бок о бок дети древних народов. Садятся, как родные, любящие друг друга братья... Сердце мое наполнено радостью. Вот так должны жить народы, все народы! И это ведь возможно. Да, возможно! На конференции эта мысль крепнет еще больше. Собрались писатели семнадцати стран. Различны их одежды, различен цвет кожи: есть почти чернокожие, есть люди с бронзовым цветом лица, смуглые, белые. Одни в чалмах — белых, голубых, розовых, другие — в фесках или каракулевых шапках; некоторые без головных уборов... Но какое это имеет значение?! Они сидят под одной кровлей, съехались, чтобы слушать друг друга, обменяться мнениями.

...Долгие годы эти страны были отделены друг от друга. Сосед был лишен возможности встречаться с соседом. На своей земле, под родным небом многие жили, как в тюрьме. Их грабили, уничтожали, лишали прав. Грабители отбирали все, что принадлежало народу: хлопок, джут, рис, руду, ценные сокровища древних храмов. Обездоливая настоящих хозяев, они объявляли их трусливыми, ленивыми, тупыми.

Возможно, кое-кому и не хотелось, чтобы обо всем этом говорилось на конференции писателей, но еще не зажили раны, глубокие раны Азии. Их боль отдается в сердцах людей. Дети народов Азии не могут забыть, как топтали их вековую, древнюю и современную культуру.

На конференции перед нами раскрывались несметные сокровища культуры Азии. Засияли десятки новых звезд и созвездий. Это было одной из замечательных сторон конференции. Ее участники не могли не почувствовать огромной пользы, какую им принес живой обмен мыслями в течение пяти памятных дней.

Речь шла не только о древней культуре народов Азии. Делегатов, как выяснилось, немало интересовали также и вопросы дальнейшего развития их культуры, в частности литературы. Некоторые пытались проповедовать устарелую теорию «искусство для искусства». Следовать ей значило бы уводить литературу в далекие дебри, оторваться от борьбы народа, лишить литературу какого-либо смысла. Эта попытка не имела успеха.

Делегаты конференции сплоченно приняли резолюцию, в которой литературе отводилось место в горниле борьбы за свободу, за мир, за светлое будущее. Делегаты заявили, что в этом вопросе все они стоят на одной платформе. И это явилось крупной победой. Надо было видеть, какое воодушевление вызвала эта победа! Словно люди только теперь убедились в том, что в борьбе за мир, за счастливое будущее своего народа они не одни, что существующие различия в точках зрения по отдельным вопросам никогда не должны помешать им стать рядом в борьбе за счастье человечества, помочь друг другу, учиться друг у друга. Они приветствовали решение периодически созывать подобные конференции, а предложение узбекской поэтессы Зульфии собраться следующий раз в Ташкенте встретило бурные аплодисменты.

Организаторы конференции — индийские писатели — сделали все, чтобы нам было хорошо. После конференции началось наше путешествие по стране. Мы побывали в Агре, Бомбее, Калькутте, Бенаресе, Амритсаре и убедились в том, что дружба между индийскими и нашими народами пустила глубокие корни...

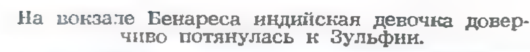
Гарегин СЕВУНЦ

Выступает Мао Дунь (Китай).

Выступает Мульк Радж Ананд (Индия).

В Индии и декабрьское солнце знойное. Грузинский поэт Ираклий Абашидзе в Бомбее.

На вокзале Бенареса индийская девочка доверчиво потянулась к Зульфии.

В зале конференции.

Президент Индии Раджендра Прасад устроил в честь делегатов прием. На снимке: Президент Индии Раджендра Прасад, глава советской делегации писателей таджикский поэт Мирзо Турсун-заде, глава делегации китайских писателей Мао Дунь.

Писатели Мехти Гусейн, Константин Симонов, Тугельбай Сыдыкбеков, Габиден Мустафин и Мирзо Турсун-заде в Висячем саду Бомбея.

В Пенджабе. Советские литераторы посетили дом одного из старейших писателей, Курбаха Сингха. На встречу с советскими делегатами пришли крестьяне из окрестных деревень.

НАУКА И ТЕХНИКА ЗА РУБЕЖОМ

Машина косит камыш

По заросшему камышом пруду движется странная лодка. На носу у нее установлена рама, к которой прикреплены два режущих аппарата. Один, вертикальный, срезает камыш на любой глубине до полутора метров. Другой разрезает густую стену камыша горизонтально, очищая путь лодке и разваливая подрезанное растение на обе стороны.

Движется косилка при помощи обыкновенных колес с плицами, укрепленными за кормой. И колеса и режущий аппарат приводятся в действие бензиновым мотором мощностью в 5,5 лошадиной силы.

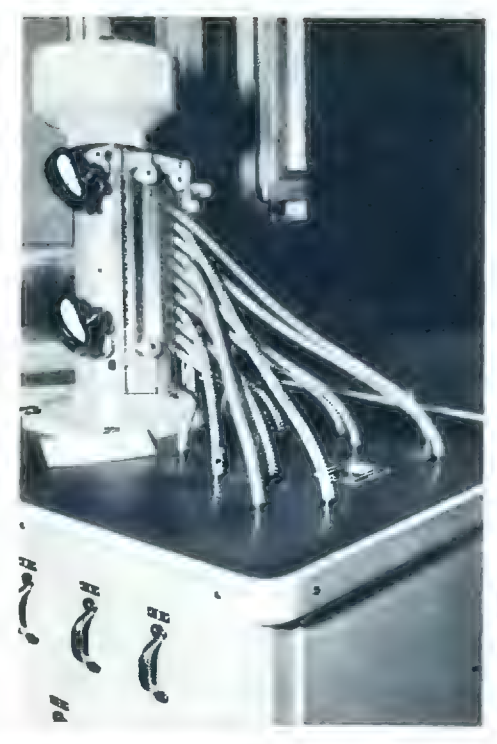
Рабочий захват режущего аппарата — два с лишним метра. Машина может косить камыш любой толщины и крепости. Она очень проста по конструкции, маневренна, работает на совсем мелководных местах. Обслуживает ее всего один человек. За 8 часов можно скосить от 4 до 6 гектаров камыша. Машину легко использовать и для перевозки грузов как обычную моторную лодку.

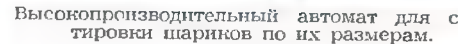
Эту интересную «камышекосилку», названную «ЭСОКС», производит небольшой машиностроительный завод в городе Литомишле в Чехословакии. У себя на родине она нашла широкое применение для расчистки нагульных прудов. Ее охотно покупают соседние с Чехословакией страны, например, Румыния, имеющая большие заросли камыша в дунайских лиманах. Используется камыш для удобрений, в качестве строительного материала и сырья бумажной промышленности.

При нынешней конструкции «ЭСОКС» за косилкой едет лодка. Она подбирает камыш, если его не гонит к берегу попутным ветром. Сейчас конструкторы заняты устройством механического погрузчика, который накладывал бы скошенный камыш на лодку или плот.

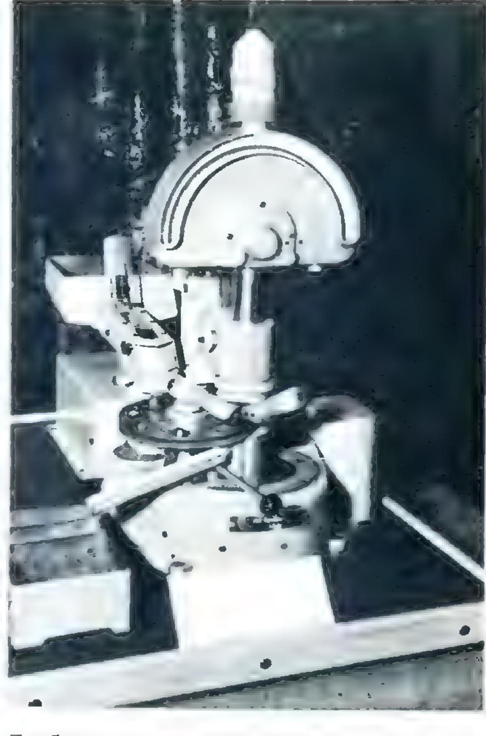
П. ИВАНОВ

Высокопроизводительный автомат для сортировки шариков по их размерам.

Прибор, проверяющий геометрическую форму шариков.

Льдозавод в Жуэнвиле

Во французском рыболовном порту Жуэнвиль, на острове Иль-д'Иё, рыбные склады, консервные заводы и грузовые суда всегда обеспечены льдом. Здесь, в теплом Бискайском заливе, в самые жаркие дни замерзает до 40 кубометров морской воды и образуется столько же тонн льда. Все это происходит без непосредственного участия человека; не приходится даже грузить лед для доставки по назначению: он сам сыплется в подставленные кузова грузовиков...

Так работает Жуэнвильский автоматический льдозавод. На нем установлены обыкновенные аммиачные холодильники и автоматическое управляющее устройство. Холодильники охлаждают крепкий соляной раствор до температуры значительно ниже нуля. Раствор омывает батареи вертикальных труб, наполненных морской водой. Когда вода замерзает, холодный рассол сменяется теплым, трубы снизу открываются, и отставшие от согревшихся труб ледяные столбики падают в измельчитель. Затем трубы опять наполняются водой, и весь цикл повторяется снова и снова.

В измельчителе столбики либо разрезаются на куски заданной длины, либо крошатся. Система транспортеров доставляет лед на склад с температурой минус 5 градусов и вмещающий 150 тонн.

Достаточно движения руки, чтобы другие транспортеры насыпали в поданный грузовик нужное количество льда.

Людям остается наблюдать за машинами, устанавливать измельчитель на резку или дробление, нажимать кнопку погрузочного устройства и... получать деньги за отпущенный лед.

Но почему лед делают из морской воды?

Оказывается, такой лед лучше сохраняет рыбу, и вкус ее не изменяется, как от пресного льда.

П. КУЗЬМИН

Удивительные контролеры

Контроль, точная проверка готовых изделий... Без этого немыслимы современное машиностроение да и многие отрасли массового производства. А как много времени и труда затрачивается на эти операции! Дошло до того, что на подшипниковых заводах на каждую сотню рабочих приходится... 35 контролеров!

Необходимо ли такое множество контролеров? Не могут ли заменить их автоматы? Созданием автоматических контролеров заняты два молодых предприятия Германской Демократической Республики: Завод точных измерительных приборов в Зуле и «Мессиндустри» в городе Вердау.

Перед нами некоторые из этих приборов, демонстрировавшиеся на выставке в Москве, во Дворце культуры Автозавода имени Лихачева.

На подставке, напоминающей хирургический столик, белая колонка с гибкими, как щупальца, шлангами. Вот в увенчивающий ее резервуар-бункер высыпали сверкающие шарики будущих подшипников. Серебристой журчащей струйкой разбегаются они по двенадцати шлангам — канальцам, ведущим в двенадцать ящиков, скрытых в столе. В десять ящиков попадают годные шарики. Каждый отличается от соседнего на 1 микрон! В одиннадцатый и двенадцатый ящики попадает «брак» — слишком большие и слишком маленькие шарики.

В русских сказках злая мачеха заставляет падчерицу разбирать смесь пшена и овса. Нелегкая работа, но насколько проще разделить не похожие ни формой, ни величиной зерна, чем шарики, отличающиеся на недоступный нашим органам чувств микрон! Однако ловкая машина выполняет эту работу со сказочной быстротой: она рассортировывает до 20 тысяч шариков в час, и без всякого волшебства. Впервые увидев прибор в работе, поражаешься, с какой точностью, быстротой и простотой он действует.

Между двумя чуть сходящимися книзу линейками из твердого сплава движется сверху вниз бесконечная цепь, усаженная «пальчиками». Высыпаясь из бункера, шарики попадают по одному на каждый пальчик. На этом своеобразном лифте шарик спускается вдоль сужающейся щели до того места, где ширина ее становится равной его диаметру. Тут он застревает, но только на миг: следующий пальчик своим скошенным низом тотчас же выталкивает его из щели, и он скатывается по шлангу в свой ящик.

Если сравнительно «легко» измерить диаметр шарика, то как же убедиться в том, что правильна его форма: без овальности, выступов и вмятин? Значит, нужно его замерить с точностью до четверти микрона в десятках мест. Это производит за несколько секунд другой прибор.

Устройство этого прибора тоже несложно. Подвижный резиновый валик заставляет шарик беспорядочно вертеться. В то же время сверху на него опускается тонкий стерженек — щуп. Быстро вращаясь во все стороны, шарик подставляет щупу все участки своей поверхности. При этом каждая неровность чуть приподнимает стержень. Движения стержня неощутимы, но достаточны, чтобы повернуть крошечное зеркальце, на которое падает лучик от проекционного фонаря.

Если шарик хорош, тонкий луч едва подрагивает на одном делении шкалы. Когда же попадается шарик неправильной формы, луч мечется. Дефекты отмечаются скачками, показывающими размер их с точностью до двух десятых долей микрона. При допустимых отклонениях луч белый, если же размер больше допустимого, то он становится зеленым, а если меньше, то красным. Рабочий смотрит на шкалу и, видя красный или зеленый луч, поворачивает рычажок, чтобы шарик скатился в коробку «брак», а сам сигнализирует, какие нужно принять меры.

А вот многопозиционный полуавтомат, проверяющий десять размеров ступенчатого вала одновременно, причем субъективные качества контролера — рассеянность, усталость,— разумеется, не играют никакой роли. Вся проверка десяти разных диаметров вала занимает четыре—пять секунд.

Когда проверяются изделия из твердой стали, к ним можно крепко прижать столь же твердые щупы приборов. Но как быть, если нужно с такой же точностью измерить, например, диаметр трубы с тончайшей стенкой или толщину фольги, бегущей из-под валков прокатного стана?

Многочисленные приборы «Мессиндустри» прикасаются к контролируемым изделиям не сталью, а... воздухом. Мы знаем об эталонах метра, изготовленных из сверхпрочного и сверхстойкого сплава платины с иридием. Но метр из воздуха?

Между тем таким «воздушным метром» можно проверить с точностью до долей микрона внутренний диаметр глубоко просверленного отверстия. В отверстие вводят щуп или «пробку», а на полуметровой шкале стоящего на соседнем столике манометра определяется величина отклонения фактического диаметра от требуемого. Как удалось произвести такое точное измерение? Введенный в отверстие щуп имеет диаметр на несколько микронов меньший, чем отверстие. На противоположных сторонах щупа — два сопла, из которых вырывается сжатый воздух, подающийся через гибкий шланг. Чем ближе стенки детали к соплам, тем больше закрывают они отверстие, тем сильнее препятствуют выходу воздуха. А чем труднее выходить воздуху, тем выше его давление. Изменения давления определяются простейшим водяным манометром со шкалой, градуированной прямо в микронах и их долях. Вот и все.

Если поместить сопла одно против другого так, что между ними будет пробегать полоса прокатанной фольги или тонкой металлической ленты, то малейшее изменение ее толщины будет мгновенно отмечено манометром, и прокатчик увидит, как надо подрегулировать прокатный стан.

Ю. ПЕТРОВСКИЙ

Чабан Орозакун Чонмурунов. Колхоз имени Буденного, Покровского района, Иссык-Кульской области, Киргизской ССР.

Фото Д. Шоломовича.

Танюша очень занята.

Фото М. Ганкина.

Мяч с автографами

С. СПАНДАРЯН,
заслуженный мастер спорта
и заслуженный тренер

Фото автора.

Круглый и легкий баскетбольный мяч обладает удивительным свойством. Он может выполнять две совершенно противоположные функции. Во время игры мяч становится центром борьбы соревнующихся команд, вокруг него идут ожесточенные схватки, кипят страсти... Но этот же самый мяч сближает людей, связывает их узами товарищества.

Минувшей осенью в старинном итальянском городе Болонье шла напряженная спортивная борьба. Здесь проводился баскетбольный турнир на Кубок Майрано. Одним из решающих состязаний была встреча между командами СССР и Италии. Баскетболисты обеих команд прилагали все силы к тому, чтобы почаще отправлять мяч в корзину соперников, и борьбу вели не только спортсмены: поединок происходил и между их тренерами. Мой противник — тренер итальянской команды американец Мак-Грегор. Мы все время строим друг другу всевозможные баскетбольные козни: заменяем отдельных игроков, сбиваем темп атак минутными перерывами, подсказываем участникам состязания все новые тактические хитрости. Матч закончился победой советских спортсменов. Но разве в обиде на меня Мак-Грегор? Вот он подходит, поблескивая очками, неторопливый, солидный, похожий на адвоката или банковского служащего, и любезно щелкает зажигалкой возле моей сигареты.

— Поздравляю! — улыбается Мак-Грегор.— Советская команда отлично усвоила американский стиль игры... Скажите, какими из наших учебных фильмов вы пользовались? Какую привлекали литературу?

Я объясняю ему, что американских учебных фильмов советские тренеры не видели, а их знакомство со спортивной литературой США никак не назовешь полным. Тем не менее в манере игры североамериканских и наших команд есть действительно кое-что общее. Я говорю Мак-Грегору, что обратил на это внимание еще четыре года назад, во время баскетбольного олимпийского турнира в Хельсинки.

— Ну, а я имею в виду и более поздний период, — уточняет мой собеседник.— Баскетбол непрерывно развивается, приобретает все новые черты... Ох, этот государственный департамент! Кому-кому, а уж командам США и Советского Союза надо встречаться чаще!

Поскольку спортсменам США, несмотря на все наши приглашения, не удалось приехать в Москву, мы решили познакомиться с игрой чемпиона одной из американских баскетбольных лиг — командой «Бухан-Бейкерс». Вскоре после победы советских баскетболистов в турнире на Кубок Майрано я побывал в Праге, Братиславе и Брно, где играли американцы.

В США первенство страны по баскетболу не разыгрывается, и команда «Бухан-Бейкерс» является наиболее сильной лишь среди так называемых профсоюзных команд. Однако и по ее игре можно было составить ясное представление об уровне американского баскетбола накануне Олимпийских игр.

Прежде всего бросились в глаза отличные физические данные заокеанских спортсменов и легкость, с какой они владели труднейшими приемами баскетбольной техники. На площадку выходили очень рослые, сильные и ловкие игроки. Все они прекрасно бегали, прыгали, метко били по кольцу. «Обработка» мяча точная, без малейших ошибок, тактика, разнообразная, гибкая.

Мяч сближает людей... Он помог нам сблизиться и с баскетболистами «Бухан-Бейкерс».

Мы сказали представителям «Бухан-Бейкерс», что будем рады увидеть в 1957 году у себя в гостях одну из наиболее сильных американских команд и просим передать наше приглашение спортивным организациям США. Выполнить эту просьбу они охотно согласились...

Встреча между баскетболистами наших двух стран, как известно, состоялась еще до наступления нового года. Произошла она в Мельбурне на XVI Олимпийских играх. Обе встречи команда США у нас выиграла, но ведь занять в олимпийском турнире второе место, завоевать серебряные медали тоже очень нелегко и очень почетно.

На XV Олимпийские игры американцы направили лишь свою лучшую студенческую команду, несколько ее усилив. Для поездки в Мельбурн они произвели более строгий и всесторонний отбор. Между четырьмя сильнейшими командами страны — студенческой, вооруженных сил и двумя профсоюзными — состоялся специальный предолимпийский турнир. Из команды «Филиппс-Ойлерс», победительницы этого турнира, в олимпийскую вошло пять человек, из остальных — еще семь игроков. Таким образом, в Мельбурн прибыли самые яркие «звезды» американского баскетбола.

Нападение в команде США возглавлял двадцатидвухлетний студент-негр Билл Рассел. «Черная стрела Сан-Франциско», как называют его американские газетчики,— разносторонний спортсмен. Достаточно указать, что в высоту Рассел прыгает на 209 сантиметров, а в беге на короткие дистанции он мог бы успешно конкурировать с хорошими бегунами. На баскетбольной площадке Рассел — превосходный организатор атак и виртуозный мастер броска по корзине.

Достойными партнерами Б. Рассела оказались игроки команды Б. Хоугланд, Д. Уолш, Ч. Дарлинг, Б. Джингерхард, К. Джонс и другие американские баскетболисты. Все они высокого или сверхвысокого роста. Каждый превосходно владеет техникой баскетбола. Команда в целом отлично сыгралась под руководством своего старшего тренера Джеральда Тэкера.

Конечно, вокруг мяча, когда он был на баскетбольной площадке, советские и американские спортсмены вели самую ожесточенную, самую непримиримую борьбу. Но ведь мяч обладает удивительным свойством... Поэтому смотрите, что получалось!

Против Билла Рассела играл самый молодой член нашей команды, девятнадцатилетний Виктор Зубков. Хорошая спортивная подготовка и высокий рост (203 сантиметра) позволили Зубкову действовать довольно успешно. Не раз мешал он американскому баскетболисту атаковать нашу корзину, да и сам произвел несколько удачных бросков. Во время состязания студент из Сан-Франциско и студент из Ростова-на-Дону были непосредственными, весьма ожесточенными противниками. Но вот на другой день захожу в интернациональный спортивный клуб олимпийской деревни и встречаю здесь Виктора Зубкова и «Черную стрелу Сан-Франциско». Они опять вместе. С помощью жестов и мимики спортсмены что-то оживленно объясняют друг другу. Потом вдруг начинают сравнивать ступни своих ног. Рассел интересуется, какой у Зубкова размер обуви, и когда выясняется, что оба они носят обувь сорок восьмого размера, Рассел вручает Виктору подарок — свои кеды — баскетбольные башмаки, а тот передает негру спортивную майку с вышитым на ней советским гербом.

Прошел еще день, и к нашим олимпийским домикам направилась вся американская команда. Каждый баскетболист отыскивал советского спортсмена, игравшего под таким же, как и он, номером, и они тут же обменивались сувенирами.

Спортсмены сошлись на том, что баскетболистам СССР и США надо встречаться не раз в четыре года, а гораздо чаще.

Баскетболисты США произвели на нас самое приятное впечатление. Мало того, что они превосходные спортсмены, они еще и простые, душевные ребята. В отличных отношениях были мы в Мельбурне и с другими нашими спортивными соперниками — уругвайцами, бразильцами, французами, болгарами, канадцами, сингапурцами. С удовольствием познакомились и с японскими, австралийскими, филиппинскими баскетболистами, хотя играть с ними нам и не пришлось. Расставаясь, мы говорили о новых спортивных встречах.

Такие встречи баскетболистов должны произойти уже этим летом. Во время Олимпийских игр состоялся очередной конгресс Международной федерации баскетбола, отмечающей в текущем году свое 25-летие. Решено провести большой международный баскетбольный турнир. Организация турнира по предложению генерального секретаря федерации В. Джонса поручена баскетбольной секции СССР. Место соревнований — Москва.

...Мы привезли из Мельбурна в Москву подарок, полученный советской командой от спортсменов США,— баскетбольный мяч. Этот мяч весь покрыт автографами американских игроков и тренеров. Вот широкая, размашистая подпись Билла Рассела... Вот поставил свое имя Джеральд Тэкер. Вот росчерки Дарлинга, Уолша, Хоугланда, Боушки, Эванса и всех остальных. Подарок хорош тем, что он сделан от души и на добрую память! Но он еще и символичен, этот баскетбольный мяч, оплетенный узором дружеских автографов. Мяч как бы напоминает о своих возможностях организатора и острой спортивной борьбы и добрых человеческих отношений.

Баскетболисты В. Торбан (СССР) — рост 187 сантиметров, Б. Рассел (США) — рост 207 сантиметров, Я. Круминьш (СССР) — рост 218 сантиметров.

ДЕНЬ В МАСЛОВКЕ

Ник. **КРУЖКОВ**

Фото Н. Козловского.

Была в нашем журнале помещена заметка «Косметика, массаж, пластика», в которой рассказывалось о работе Московского института врачебной косметики: как там выводят морщины, бородавки и прочие неприятности, как производят пластические операции и вообще помогают человеку стать по возможности красивым. Заметка эта вызвала возмущение у одной из читательниц журнала, Валентины Петровны Бондаренко. «Я гражданка и мать, — написала она в редакцию, — и мне сейчас очень больно и как-то даже стыдно. По-моему, женщина красива не серьгами и не глазами, а красива своей душой и своими делами».

Далее она сообщала: «Мы, матери села Масловки, с 1954 года просим открыть для наших детей детский сад, которого и по сей день нет. Просили мы сельсовет, райисполком, районо, облоно, обращались в журнал «Перець», обращались в райком, в обком партии, писали коллективное письмо товарищу Ворошилову. Сначала нам говорили: «Средств нет». После письма к товарищу Ворошилову средства были отпущены, но сада все-таки нет. Нам отвечают, что нет сада из-за отсутствия помещения. В селе у нас школа не отремонтирована, классы маленькие, пол не выкрашен. Клуб в селе скверный, маленький, а между тем для нас, жителей села, единственное культурное развлечение — кино... Не могу я быть спокойной! Не могу я позволить себе молчать, прочитав эту статью. Прошу ответить мне, что важнее для моей дорогой Родины: ликвидировать преждевременные морщины или открыть детский сад для наших детей, отремонтировать школу. А дети — это не только наши дети, это будущие граждане, и мы, матери, смотрим на них не только как на своих горячо любимых детей, мы смотрим на них как на будущее нашей Отчизны...».

Письмо взволнованное, написанное кровью сердца! Кто же такая Валентина Петровна Бондаренко, женщина с горячей душой? Где же это село Масловка и какова там жизнь, если оттуда поступают такие письма? На малой карте мы Масловки не нашли, на большой — обнаружили: Киевская область, Старченковский район.

* * *

...Гремит, шумит поезд из Киева на Днепропетровск. Плывут перед глазами места, знакомые с давних лет. Во время гражданской войны, во время Отечественной мелькали названия этих городов и сел в суровых военных сводках, не раз топтали украинскую землю чужие кони, не раз проходили здесь чужие солдаты, проходили, но всегда уходили обратно: выбивали их отсюда и гнали прочь. Сейчас уже не видишь зримых следов войны, нет, пожалуй, и видишь, только в ином качестве: станции и дома стоят новенькие, как игрушки. Все было сожжено и взорвано вокруг, пришлось строиться заново. Как ни тяжело было, — ничего, построились... И построились добротно, красиво. Вот и станция. Здесь центр Старченковского района — большое село Мироновка; отсюда до Масловки рукой подать — восемнадцать километров.

Утром мы и поехали туда, а с нами секретарь райкома партии Петро Кондратович Малюк: оно и понятно, дело серьезное, да и несколько конфузное. Петро Кондратович подтверждает: правильно, детского сада в Масловке нет, это Бондаренко верно написала. Речь-то, надо полагать, идет о детсаде для детей служащих и рабочих; в селе их сотни три, а ребят соответствующего возраста, наверное, шестьдесят — семьдесят. Средства для детсада, правда, отпустили недавно, но раз помещения в Масловке не нашли, то мы и передали их в другое село по соседству: не пропадать же деньгам! Теснота в Масловке? Нет, особой тесноты не заметно, но так как-то вот...

Петро Кондратович озадачен тем, как бы подипломатичней ответить, но подходящих слов не находит. Бондаренко? Вот кто она, этого он не знает. Видать, женщина деятельная, раз так бьется за материнское дело. Приедем в село — познакомимся.

Голова сельрады Жабенко Михаил Федорович встретил нас с тревогой. Забот у головы полон рот, а тут еще детский сад! Дело, как бы сказать, небольшое, внутреннее, сельское... Почему такой интерес, аж из Москвы люди выбрались? Бондаренко Валентина Петровна? Как же не знать! Голова все должен знать. Валентина Петровна — жена преподавателя сельскохозяйственного техникума. Нет, сама не работает, хоть по специальности и зоотехник: двое малых ребят у нее, а детсада нет, верно. Она за это, можно сказать, насквозь пропилила голову сельрады. Да и не только она, и другие матери, но коновод — Валентина Петровна. Только он, голова, тут ни при чем: помещения нету, хоть убей. И в райкоме и в райисполкоме об этом известно. Теснота в Масловке? Нет, особой тесноты не заметно, но так как-то вот...

Но тут в разгар беседы вошла, нет, пожалуй, не вошла, а стремительно вбежала Валентина Петровна Бондаренко. Голова взглянул на нее с опаской.

— Вот, — сказал он, — будьте знакомы: она.

Это была женщина лет под сорок, с широким энергичным лицом, быстрыми движениями и столь решительными интонациями в голосе, что все как-то разом приумолкли. Но это только на минуту, потому что сразу же возник яростный спор: женщина напала на голову сельрады и на секретаря райкома. Голова не оказал ни малейшего сопротивления, но секретарь перешел к обороне; впрочем, она не была длительной: через некоторое время от Петра Кондратовича полетел пух. Все ему высказала Валентина Петровна в лоб, без всякого стеснения: и то, что видит она его первый раз, — очень, конечно, приятно познакомиться, но можно было бы приезжать в село и почаще, — и как она воюет за этот детский сад два года с гаком, воюет одна, только матери ее поддерживают, а где сельсовет, райком, где вы, Петро Кондратович, и вы, Михайло Федорович? И как она ездила в область и добивалась решения, и как писала вместе с другими матерями письмо Клименту Ефремовичу. И вышел бы от этого толк, да только вот в районе повернули дело в сторону...

Петро Кондратович Малюк отмахивался, как мог.

— Штатное расписание... сметы... средства...— говорил он.

Но эти доводы не казались Валентине Петровне убедительными. Может, в Масловке действительно нельзя найти помещение? Да это курам на смех! Значит, что же остается: нерадивое отношение к нуждам матерей, больше ничего, Петро Кондратович...

Петро Кондратович сдался окончательно и сказал:

— Будем помогать, Валентина Петровна. Сейчас же займемся этим. Вы только успокойтесь. Зачем нервничать?

— Непременно успокоюсь, Петро Кондратович, как только будет у нас, для наших детей, сад. А до этого — ни-ни, и не успокаивайте.

Валентина Петровна вышла. Секретарь райкома сказал:

— А то дóбре, что у нас есть такие беспокойные жинки. Горы можно с ними сдвигать. Как думаешь, Михайло Федорович?

— Эге ж, — подтвердил голова сельрады.

Но при этом весь его вид говорил, что вам-то, секретарю, хорошо: приехали, распорядились и уехали, — а кашу хлебать мне, голове, и пилить она, Бондаренко, будет меня, голову, и уж запилит окончательно...

Через два часа назначено было совещание по вопросу об организации детского сада, а пока что пошли мы осматривать культурные учреждения села Масловки — школу и клуб.

Неполная средняя школа в селе Масловке оказалась точь-в-точь такой, как ее описала в своем письме Валентина Петровна Бондаренко: и тесна, и мала, и старовата, и худовата. Молодая

учительница Елена Павловна Донец и заведующий учебной частью старый педагог Андрей Юрьевич Яцинский сказали:

— Работать трудно, жить тоже нелегко: и школьное помещение и дома для учителей запущены — отапливаем улицу... Культурная жизнь? Да какая она! Клуб — единственное учреждение, где можно посмотреть кино, достать в библиотеке книгу. Только и клуб у нас плох. Библиотека же... Впрочем, посмотрите все своими глазами, сами увидите... Детям мы зимой запретили ходить в клуб, чтоб не простуживались....

— Эх, — сказал Петро Кондратович и не без сердца посмотрел на председателя сельрады, — плохо, товарищ Жабенко, плохо!

Голова молча перенес упрек. Что же, ему одному в ответе быть? А районо? А райисполком? Да и райком, Петро Кондратович...

В клубе и впрямь было холодно, как на улице, и грязно, и неуютно. Два закаленных хлопца — заведующий клубом Петр Уколов и заведующий библиотекой Василий Клименко — сидели в зимних пальто, перебирали книги и смеялись. Что же их так развеселило? Они только что получили книжное пополнение из Киева: брошюры о выращивании льна-долгунца, конопли и чумизы. Смеялись они потому, что никогда этих культур отродясь не сеяли и не выращивали не только в Масловке, но и на всей Киевщине. К чему же такие книги?

— Видно, для отчета, — сказал завклубом,— все же, как-никак, пополняют сельские библиотеки... У нас 3 200 книг, из них немало вот таких. А художественной литературы не допросишься.

По клубному полу гулял холодный ветерок, расшевеливал бумажки, мусор. Почему грязно? Да вот не прибрались, рук не хватает...

— Плохо, товарищ Жабенко, плохо, — резюмировал Петро Кондратович.

Голова молча перенес и этот упрек. Что же, ему одному в ответе быть?..

А через час состоялось совещание в сельхозтехникуме об организации детского сада для детей служащих и рабочих села Масловки. На совещание пришли и матери: Валентина Петровна Бондаренко, Мария Герасимовна Мищенко, Ревекка Борисовна Мейерзон, — пришли с ребятами...

Вся заковыка в помещении. Где его, в самом деле, найти? И — вот чудеса! — помещение нашли через двадцать минут, без особых затруднений. Оказывается, есть помещение и всегда было под руками, не было только охоты его искать: может, и так обошлось бы. Но раз не обошлось, что ж, вот оно и помещение: две комнаты, небольшой детсад организовать можно, это на первое время.

— Видите, Петро Кондратович?—сказала Валентина Петровна.

— Вижу, — ответил секретарь райкома несколько смущенно.

Ну, а как же быть с вопросом о женской красоте и врачебно-косметическом институте — с этого, собственно, загорелся весь сыр-бор? Имеет ли женщина право заботиться о своей наружности? Можно ли быть «дельным человеком и думать о красе ногтей», как выразился поэт?

Валентина Петровна сказала:

— Полагала я, что врачебно-косметический институт — учреждение бесплатное, а раз платное, пусть, кому нравится, платят деньги и выводят свои морщины. А средства больницам, детским яслям, детским садам... Я лично свои морщинки не подсчитываю: мне их некогда подсчитывать...

* * *

...Вот и закончился день в Масловке, поехали мы обратно по крутой дороге с замерзшими колеями и вели разговор о всякой всячине, а больше всего обо всем виденном. Сошлись мы на том, что Валентина Петровна Бондаренко — простая беспартийная советская женщина, ровесница Октября, дочь революции — представляет собой человека, несомненно, примечательного своей энергией и твердостью характера: раз поставила перед собой цель, непременно ее достигнет. А цель-то ведь благородная! И хлопочет она не только за себя, за своих детей, но и за других детей и матерей. Мысли у нее хорошие, честные, и борьба ее за детский сад — это в конце концов борьба за лучшую долю для матери и для ребенка, это — действенное проявление настоящего советского патриотизма. Но отчего же ей приходится затрачивать столько усилий, так долго и мучительно добиваться успеха в своем пусть небольшом, но явственно добром и нужном деле, что же ей мешает?

А то, что подчас глухи мы бываем к жалобам и требованиям людей. И происходит это не потому, что мы уж так плохи, или нечестны, или холодно-равнодушны, а потому, что, занятые большим, забываем о малом, забываем, что оно, малое, есть неотъемлемая крупица большого.

Оторвавшись от рассуждений, Петро Кондратович Малюк сказал:

— Конечно, плохо в Масловке с клубом, со школой, да и у нас в районном центре, в Мироновке, немногим лучше: Дома культуры нет, больница разбросана в разных концах — и все одна и та же проблема: не хватает помещения...

Над чем смеются заведующий клубом Петр Уколов (слева) и заведующий библиотекой Василий Клименко? Они получили брошюры о выращивании льна-долгунца, конопли и чумизы, которые здесь никогда не культивировались.

Мы поехали вдоль главной улицы Мироновки и увидели строящийся дом, большой, с колоннами, возвышающийся над всей округой.

— Что это такое, Петро Кондратович?

— Будущее здание райкома партии и райкома комсомола. Рядом заложено здание райисполкома...

Что ж, хорошее, конечно, дело! Но все-таки, может быть, начинать-то надо не с этого? Если райком побудет годок — другой в прежнем своем доме, разве от этого партийная работа придет в упадок? А может быть, здание это с колоннами отдать под Дом культуры или под больницу? Может, не так плохо и получится? Как вы думаете, Петро Кондратович? А?..

На днях редакция получила новое письмо от Валентины Петровны Бондаренко.

В нем она пишет:

«Наши районные руководители заворошились. Детский садик откроют! Еще раз говорю, что надо верить во все хорошее, не надо никогда отчаиваться, надо быть принципиальным и волевым. Это я себе говорю! Клянусь отдать все свои оставшиеся силы для нашего общего дела, для моей Родины! Клянусь воспитать своих сыновей достойными моей Родины гражданами, честными, чистыми, благородными, трудолюбивыми, принципиальными, твердыми и отважными».

Матери пришли хлопотать об организации детского сада. Крайняя справа — Валентина Петровна Бондаренко.

А вот и телеграмма из райкома партии от 12 февраля: «Открытие детсада Масловке первого марта соответствии сроком отпуска денег».

Значит, детский сад откроют в Масловке? Очень хорошо, Валентина Петровна, хвала вам, честь и слава! В небольшом, но важном этом деле видно большое ваше сердце.

Правильно заметил Петро Кондратович Малюк: «А то добре, что у нас есть такие беспокойные жинки...»

И хорошо еще то, что их у нас немало, вот таких, как Бондаренко Валентина Петровна, в каждом городе, селе, поселке есть беспокойные, деятельные, горячие люди. Имя им — легион, и ими красна и сильна наша земля.

И наконец втроем, без особого труда нашли помещение. Слева направо: секретарь райкома партии П. К. Малюк, зам. директора сельхозтехникума М. К. Лемперт и голова сельрады М. Ф. Жабенко.

ПРОСЛАВЛЕННЫЙ ДИРИЖЕР

В Нью-Йорке в возрасте 89 лет скончался всемирно известный Артуро Тосканини, один из крупнейших дирижеров нашего времени.

Тосканини родился в Италии в семье портного города Пармы. Девятилетним ребенком он был принят в Пармскую музыкальную консерваторию по классу виолончели. По окончании курса восемнадцатилетний виолончелист стал разъезжать с итальянскими оркестрами. Во время пребывания труппы в Рио-де-Жанейро оркестр за несколько часов до начала представления оперы «Аида» лишился своего дирижера. Тогда виолончелист Артуро Тосканини впервые встал за пульт дирижера. По окончании оперы аудитория устроила ему бурную овацию. Это произошло 25 июня 1886 года.

По возвращении в Италию Тосканини, оставаясь виолончелистом, время от времени дирижировал оркестром небольшой оперной труппы. Во время первого представления оперы Верди «Отелло» Тосканини близко познакомился с композитором, который всю жизнь оставался для него самым любимым художником-творцом. Под руководством Тосканини были осуществлены первые представления опер «Паяцы» Леонкавалло и «Богема» Пуччини.

В последующие годы Тосканини дирижировал в известном итальянском оперном театре Ла Скаля.

С 1937 года Тосканини стал во главе организованного в Нью-Йорке симфонического оркестра Американской национальной радиокорпорации. Здесь им были сделаны блестящие записи симфонических произведений, в том числе русских и советских композиторов. Этим оркестром впервые была исполнена в США в 1942 году Седьмая симфония Д. Шостаковича. Разучив партитуру в поразительно короткий срок, дирижер с большим подъемом приступил к репетициям. Симфония Шостаковича транслировалась по всей стране и вызвала восторженные рукоплескания всех, кому посчастливилось присутствовать на этом незабываемом концерте.

В 1944 году Тосканини получил из Москвы письмо от советских композиторов с выражением сердечной признательности за мастерское исполнение им советской симфонической музыки. Тосканини писал в ответ: «Я не нахожу подходящих слов, чтобы выразить благодарность дорогим советским музыкантам, которые пожелали таким приятным образом выразить чувство симпатии за то немногое, что я для них сделал». Далее он выражал свое желание: «А что, если я смогу поехать в Россию с моим оркестром после войны!!! Чтобы лично познакомиться и обнять всех тех мужественных, замечательных музыкантов!! Кто знает?»

К сожалению, этому желанию Тосканини не суждено было сбыться...

4 апреля 1954 года Тосканини дал свой последний симфонический концерт и оставил работу.

Многочисленные грамзаписи симфонических произведений и опер, исполненных под руководством Артуро Тосканини, представляют собой ценнейший вклад великого музыканта в сокровищницу мировой культуры.

В. НАЙДЕНОВ

Композитор С. В. Рахманинов и А. Тосканини.

Редкая коллекция

Около 300 картин, гравюр и скульптур — работ старых мастеров — насчитывает коллекция Михаила Федоровича Габышева, директора Белорусского института животноводства. Сын крестьянина-якута, М. Ф. Габышев создал ряд трудов по животноводству и кормовой базе Якутии, занимался вопросами свиноводства, каракулеводства. Свободное время и почти все свои средства уже много лет отдает собиранию и реставрации произведений старых художников.

Есть в этой коллекции реставрированные полотна голландских мастеров А. ван Остаде, К. Берхема, П. Поттера и многих других художников-голландцев XVI—XVII веков, а также произведения представителей итальянской, испанской, французской школ. Еще не установлены авторы многих из работ, имеющихся в коллекции, но все они бесспорны по мастерству. Иные из открытий М. Ф. Габышева уже привлекали внимание видных наших реставраторов.

— Произведения живописи, их возрождение,— говорит Михаил Федорович,— приносят столько радости! Не жаль, когда на это тратятся месяцы или даже годы кропотливого труда и поисков.

М. МОРОЗОВ

Фото Л. Папковича.

Минск.

М. Ф. Габышев.

А. Кейп. Пейзаж с коровой.

Вверху — С. Ферапто. Мадонна. Внизу — неизвестный художник школы Боттичелли. Мадонна с младенцем.

МУЗЕЙ НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА

Издавна город Семенов, Горьковской области, славится мастерами художественной обработки древесины. Всегда славилась искусная выработка ими деревянной ложки, а так называемая хохломская роспись приобрела мировую известность.

Гордость семеновцев — местный музей кустарно-художественных изделий. Здесь хранятся произведения самобытного таланта умельцев. Музей создан 20 лет назад по инициативе преподавателя технической школы мастеров народного творчества Г. П. Матвеева. Многочисленные экспонаты наглядно показывают развитие кустарных промыслов.

Видное место в музее занимает хохломская роспись: столы с росписью художницы О. Батуриной, детские кроватки работы мастера А. Муравьева, мебель и вазы, расписанные молодыми художницами Е. Сенниковой, З. Киевой, А. Савиновой. Много здесь и резьбы по дереву: наличники, ставни, подзоры изб, разные барельефы. Панно «Пир царя Салтана и Гвидона» резчика Д. Мазина, «Мичурин», «Гимн Советского Союза», «Гусляры» работы резчика Л. Левина, гербы союзных республик, выполненные учащимися профтехшколы.

Особенно красива домашняя утварь: ковши, вазы со скульптурными украшениями в виде фантастических драконов, медведиц, рыб, птиц или на темы пушкинских сказок. Целые стенды заняты причудливой скульптурой, вырезанной из твердого, как камень, мореного дуба. Семеновцы занимались и выработкой игрушки, тоже представленной в экспозиции.

Музей знают и любят в Горьковской области и за ее пределами.

В. БОЧКАРЕВ

г. Семенов.

«Гусляры».

Резной ковш.

Бочонок с хохломской росписью.

Фото автора.

На Днепре

Дм. Бальтерманц

Каждый воскресный день любители-рыболовы — рабочие и служащие заводов Запорожья — отправляются на Днепр. Великолепны морозные часы, проведенные на льду в «единоборстве с рыбой».

Их сдружила одна лунка.

«Герметическое» обмундирование.

— Эх! Закурю с горя!..

Верхнему удобней,

— Попробуй, сынок, ты: у меня не клюет...

чем нижнему.

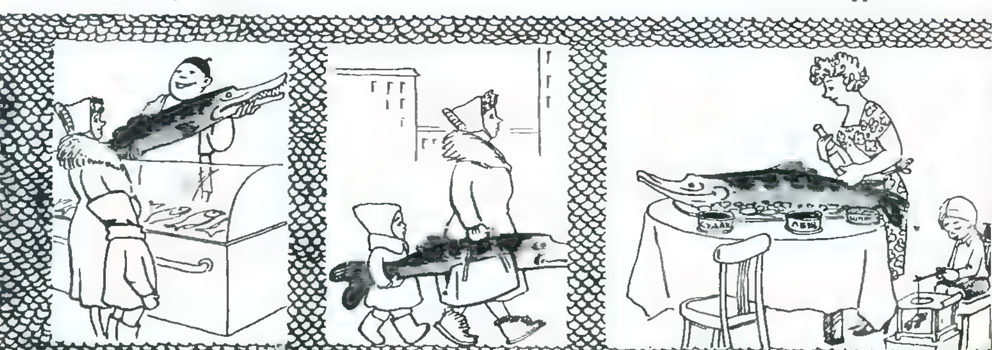

- Это ваша рыба?

А в это время...

Рис. Е. Гурова.

ГАЛИНА ПОСЫЛКА

М. МАРКОВА

Рисунки Е. ГОРОХОВА.

Конец лета. Утром в старом деревенском саду прохладно. На мягкой после выбранного картофеля земле я нахожу необыкновенную грушу. Огромная, душистая, с нежным красноватым боком, она, скрываясь в густой листве, сверху вся освещалась солнцем. Созрев, груша сегодня упала, как на пуховик, не повредив себя ни царапиной, ни ушибом.

Это плод-экспонат. Он так хорош, что я, любуясь им, не знаю, что же мне с ним делать.

А в конце сада, под деревьями, тоненький голосок распевает непонятную песенку. Это моя гостья, пятилетняя Галя. Она москвичка, в деревню попала впервые и живет у нас недавно. Галя — тихая, вежливая девочка. Если возле нее нет соседских ребятишек, а мы заняты своими делами, она любит разговаривать сама с собой. Подслушать ее болтовню — большое удовольствие. Галя еще никак не может привыкнуть к нашему саду; к тому, что фрукты лежат здесь просто на земле и их можно брать и есть, не платя денег.

Прежде чем поднять упавшее яблоко или сливу, она все время бегает ко мне и спрашивает:

— Тетя Маня! Можно мне взять яблочко?

Вот кому надо отдать эту грушу, решаю я. Пусть порадуется. Подзываю Галю и говорю ей:

— Возьми грушу, это самая лучшая в саду. Она, наверное, очень вкусная.

Девочка восхищенно смотрит на плод, потом на меня и обеими руками берет подарок. Поблагодарив, она куда-то исчезает. Я возвращаюсь в дом, сажусь за стол и придвигаю к себе тетради.

Немного погодя входит Галя. Увидев меня за работой, она усаживается в уголке на полу и тихонько там возится, шепчет что-то про себя.

Обе мы заняты и почти не замечаем друг друга. Потом меня отвлекает шелест бумаги. Незаметно я наблюдаю за Галей. Что она там делает? Сначала мне непонятно. Возле девочки газета, от которой она отрывает небольшие куски и старается обернуть ими грушу. А! Так подарок еще цел! А зачем Гале понадобилось грушу завертывать? Прислушиваюсь к ее лепету.

— Вот я эту грушу упакую, потом сделаю посылку, потом пошлю папе и маме в Москву. Они ее получат, развернут и поссорятся, — говорит немного нараспев девочка. — Мама скажет: «Это мне Галя прислала», — а папа будет сердиться и тоже скажет: «Нет, это мне она прислала!» И они будут ссориться и ссориться, а груша одна... А если откусить кусочек и попробовать?.. Она такая красивая и вкусная, очень вкусная!.. Но я не съем эту грушу, я не буду ее есть. Я пошлю ее.

Позабыв обо мне, Галя вслух высказывала свое самое задушевное, и передо мной раскрывались первые печали девочки. Отец и мать часто грубят друг другу; они забывают, что рядом живет маленький, любящий их человек. Галя готова отдать все лучшее, что имеет, только бы папа и мама жили дружно.

Я слушаю это откровение и начинаю понимать. Галя одинока. Вот почему она так тиха и послушна. Я смотрю, как девочка пытается завернуть свой драгоценный подарок в газету, как это не под силу ее слабым пальчикам. Груша строптиво вываливается из бумаги, и, наконец заметив, что я не работаю, Галя обращается ко мне:

— Тетя Маня! Заверните, пожалуйста, грушу, я пошлю ее маме и папе...

Я машинально делаю сверток и думаю о наивности этой просьбы, о том, что грушу надо непременно отправить, но как?.. По почте нельзя, она может испортиться. Мы начинаем совещаться.

— Да, по почте нельзя,— вздыхает Галя. — А мы самолетом!..

— Как самолетом?

— Так... Ее на самолете отвезут в Москву.

— Да ведь от нас до аэродрома тридцать километров...

— А мы попросим дядю Мишу, чтоб он отвез, — предлагает Галя.

«Дядя Миша», как его называют ребятишки, — это наш сосед, подполковник в отставке, Михаил Артамонович Плотников. У него есть автомобиль. В последнее время его безотказный «Москвичик» почему-то часто стоял разобранным, а Михаил Артамонович, весь перемазанный, в старой одежонке, целыми днями копался в нутре своего сокровища.

Поэтому я не надеялась на успех нашего дела. И вообще Михаилу Артамоновичу такая затея может показаться просто не стоящей внимания. Все же мы отправились к дяде Мише.

Он невозмутимо выслушал нашу просьбу и ничего не ответил. Мне стало не по себе. Потом, внимательно посмотрев на Галю, Михаил Артамонович неожиданно согласился.

— Хорошо, через час я вам посигналю, чтоб вы были готовы.

Галя запрыгала от радости:

— Поедем, поедем, поедем!

Мы заторопились. Дома Галя сейчас же нашла свою круглую корзинку. Мы устелили ее внутри ватой и в это гнездо положили красавицу-грушу. Под Галину диктовку я написала письмо:

«Дорогие папа и мама!

Посылаю вам грушу. Такой другой нигде нет. Только одна она была в саду. Мне ее подарила тетя Маня. Когда получите, не ссорьтесь из-за нее, а разделите грушу на две половинки. Она, наверное, очень сладкая, и вы будете радоваться».

Это письмо мы положили рядом с грушей, а сверху обернули корзину белой бумагой. На ней чернильным карандашом я вывела адрес Галиных родителей и номер их телефона.

Едва мы успели причесаться и переодеться, как Михаил Артамонович уже загудел около нашего крыльца.

Так мы поехали в город на аэродром, откуда большие самолеты улетают прямо в Москву.

Через несколько дней пришел ответ. Галин папа писал, что летчик, к которому мы обратились с просьбой, в тот же день сам принес им на квартиру корзинку. При этом он сказал: «Я привез вам очень ценную посылку».

Наступила осень, полили дожди. Птицы улетали на юг. В саду стало тихо и грустно. Скоро пусто будет и в доме, потому что за Галей приезжает мама.

Девочка встретила ее с большим букетом желтых хризантем. Мать, сойдя со ступенек вагона, бросилась к дочке, подняла вместе с цветами на руки и прижала к себе. Слезы выступили у нее на глазах. Ей хотелось сказать, как там, в Москве, им стало больно и стыдно, когда они открыли маленькую корзинку. Как они долго молча сидели, не глядя друг на друга, а потом она заплакала и Галин папа ее утешал. Но трудно было все это сказать маленькой девочке, и она прошептала:

— ...Папа тебя так ждет!..

— А вы грушу съели? — деловито спрашивает Галя у матери.

— Да, моя маленькая, мы ее разделили ровно на две половинки. Груша была необыкновенно вкусная...

— Как в сказке? — спрашивает Галя, считавшая, что все удивительное бывает только в сказочном мире.

Потом она, сияющая и счастливая, прижимается щекой к материнскому лицу.

Севастополь.

О ДОБРЫХ И НЕДОБРЫХ СОСЕДЯХ

Вл. РУДИМ

Фото О. КНОРРИНГА.

Как вы живете с соседями?

Хорошо? Правильно! Так и надо! Вот и в больших корпусах по Преображенскому валу, 24, мы побывали в квартирах, где добрососедские отношения стали нормой и никто их не нарушает.

...Нагруженная до предела покупками, из магазина шла Прасковья Дмитриевна Лебедева.

— Что так много накупили? — спрашивали ее знакомые.

— А я не только себе, но и соседям.

Пока А. Г. Орехова будет гулять с Женей, мать Жени Фаина Степановна погладит белье и свое и Ореховой.

В комнате Ф. Г. Крупкиной собрались соседи за игрой в лото.

Лебедева живет в 107-й квартире, где никогда не бывает склок, а мелкие недоразумения улаживаются быстро и не оставляют после себя никакого следа. Здесь пользуются общим холодильником, не запирают ни от кого своих комнат, ничего не прячут.

Нередко, когда соседка, ткачиха Валентина Гурова, уходит на работу, она предлагает:

— Пусть Анатолий идет ко мне уроки делать: у меня спокойнее.

— В нашей квартире и пироги общие пекутся, всех угощаем,— говорит Прасковья Дмитриевна Лебедева.

Согласием отличается и квартира № 111. Здесь семьи Тихоновых и Ореховых даже общее питание завели. В дни стирок помогают друг другу гладить белье, по очереди гуляют на улице с общей любимицей — маленькой Женей.

А когда мы зашли в 370-ю квартиру, то застали картину, которая говорила сама за себя: в комнате Ф. Крупкиной шла оживленная игра в лото, в которой участвовали и дети и взрослые. «Лото все возрасты покорны»,— пошутил кто-то.

Обойти все такие семьи на Преображенском валу — задача нелегкая: их много.

Но заглянули мы и в другие квартиры, где живут вздорно, не умеют ладить друг с другом.

Поразительные явления происходят в квартире № 265: здесь в общем коридоре над каждой дверью — по лампочке; в кухне свисают с потолка сразу две лампочки. В чем же дело?

Очень просто! В квартире три хозяина, и каждый завел себе отдельное освещение. И счетчики тоже отдельные.

Раздоры начались, как мы узнали, из-за оплаты за свет в местах общего пользования. В сущности, дело шло о копейках. Но тут к копейке прибавился еще принцип, а принцип в коммунальной квартире — дело не шуточное! И началось размежевание. Сперва электромонтера вызвала семья Прониных и дала задание: чтоб был отдельный счетчик заложён «на зло надменному соседу». Потом их примеру последовали Андреевы. Проводка и счетчики обошлись тем и другим почти по триста рублей, но кто с этим считается, когда человека «заела принципиальность», как сознался Пронин.

Третья же соседка, Парменова, из-за которой, собственно, и разгорелся сыр-бор, пользуется только свечами... Вот и привела «принципиальность» к смешной нелепости. Если соберутся на кухне сразу три хозяйки, то все равно зажигают все источники света: Пронина — свою лампочку, Андреева — свою, а Парменова — свою свечку.

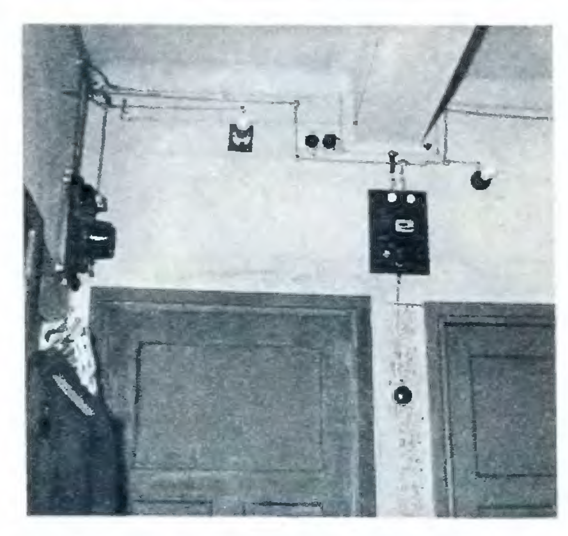
...А за дверью, на которой висела табличка «Квартира 258», мы сделали новое открытие: здесь не смогли разделить 75 копеек на две семьи за газ, деньги не внесли, и газ был отключен. Каждый завел себе примус, покупал керосин, страдал от неудобств, но твердо, «принципиально» стоял на своем...

И все это происходит в благоустроенных квартирах, где имеются газ, ванные, телефон, холодильники. Отсутствует только одно: взаимное уважение, желание идти на взаимные уступки.

Есть еще люди, которые не умеют, не хотят жить друг с другом нормально. Но общественность достаточно сильна, чтобы бороться с уродливым честолюбием, ложной принципиальностью — всем тем, что омрачает взаимоотношения соседей.

Счет за газ «из принципа» не оплачен, и пришлось купить примус.

«Пульты управления» в квартире.

↓ Даже при двух горящих лампочках Парменова пользуется свечой: иначе соседи будут протестовать.

БЛИЗНЕЦЫ

Изображенные на фотоснимке (1) бравые ребята — совсем юные граждане Германской Демократической Республики. Родила этих четырех близнецов в местечке Лаухгаммер-зюд фрау Эдельгард Гибнер, супруга каменщика Вальтера Гибнера.

Живется ребятам неплохо. Они окружены всеобщим вниманием и заботой. Президент Германской Демократической Республики Вильгельм Пик взял над близнецами почетное шефство.

Интерес, который возбудило в ГДР рождение четырех близнецов, понятен. Как сообщает берлинский журнал «Нейе берлинер иллюстрирте», откуда мы заимствуем и публикуемые здесь фотоснимки, в странах Средней Европы каждая двойня приходится на 70—80, тройня — на 7 000—8 000, а единовременное рождение четырех детей — уже на 500 000—600 000 нормальных родов. Случай рождения пятерых детей-близнецов приходится, как полагают, на 50 миллионов нормальных родов. Науке известно до сих пор около пятидесяти таких случаев.

В свое время мировую печать обошло сенсационное сообщение о том, что в одной канадской семье родилось пятеро близнецов-девочек. Девочки выжили, нормально развивались, и вот теперь вы видите этих сестер (2) в торжественный для них день получения дипломов об окончании высшего учебного заведения.

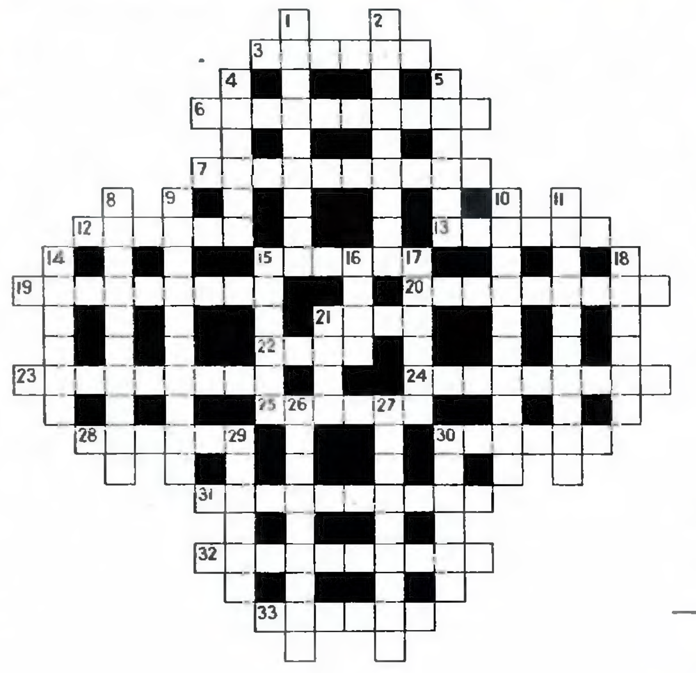
Можно ли считать многоплодие наследственным явлением? Ученые не исключают такой возможности. В германской медицинской практике известен случай, когда женщина рожала три раза по двойне, шесть раз по тройне и два раза — по четыре близнеца. Муж этой женщины был одним из двух близнецов, а мать появилась на свет вместе с тремя другими детьми-близнецами.

Близнецы обычно имеют большое внешнее сходство, иногда с годами еще возрастающее. На фото (3) — «клуб детей-тройняшек», созданный их матерями. Нетрудно заметить, как сильно похож каждый ребенок на своих сестер или братьев—близнецов.

Внешнее сходство близнецов передается иногда и по наследству. Десять лет назад братья-близнецы Эдвин и Вильфред Мартин женились на двух сестрах-близнецах. В обеих семьях в течение нескольких лет родилось по трое детей. Когда обе семьи встретились, родители были поражены тем, насколько похожими друг на друга оказались двоюродные братья-однолетки (4).

КРОССВОРД

По горизонтали:

3. Чешский поэт XIX века. 6. Вождь крестьянской войны в 1606 и 1607 годах. 7. Осушение и орошение земель. 12. Персонаж из произведения Н. В. Гоголя «Ночь перед Рождеством». 13. Многолетний режим погоды. 15. Город во Вьетнаме. 19. Представительница народа, живущего в Югославии. 20. Слабо окрашивающееся вещество клеточного ядра. 21. Вид гвоздя. 22. Долговременное укрепление. 23. Опера П. И. Чайковского. 24. Призыв. 25. Латышский народный поэт, драматург. 28. Русский живописец-пейзажист. 30. Настил на стропилах. 31. Сооружение с системой труб. 32. Наука. 33. Представитель народа одной из автономных республик.

По вертикали:

1. Сорт яблони. 2. Поэма К. Рылеева. 4. Опера Д. Пуччини. 5. Пояс неба. 8. Оборонительное сооружение. 9. Краткая ведомость. 10. Советский языковед. 11. Итальянский народный танец. 14. Величина. 15. Драгоценный камень. 16. Стадо скота. 17. Остров в Эгейском море. 18. Кристаллическая горная порода. 21. Предельная линия. 26. Областной центр Казахской ССР. 27. Система взглядов, мировоззрение. 29. Эпоха каменного века. 30. Грызун.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ в № 8

По горизонтали:

3. Горностай. 6. Пурга. 8. Ненец. 10. Вычегда. 12. Карбас. 13. Навага. 14. Имандра. 16. Фактория. 18. Астрагал. 22. Люрик. 23. Песец. 24. Тайга. 30. Хатанга. 31. Русанов. 32. Нарта. 33. Помор. 34. Арктика.

По вертикали:

1. Колгуев. 2. Важенка. 4. Пушица. 5. Белуха. 7. Гуменник. 9. Треска. 11. Малица. 14. Игарка. 15. Апатит. 17. Коми. 19. Гага. 20. Нерпа. 21. Север. 22. Лемминг. 25. Айсберг. 26. Тундра. 27. Пясина. 28. Панты. 29. Торос.

— Я просил у вас «буги-вуги», а вы какие-то «фуги Баха» даете!..

Рис. А. Брусиловского. (Харьков).

На вкладках этого номера четыре страницы репродукций картин художников Монгольской Народной Республики и четыре страницы цветных фотографий.

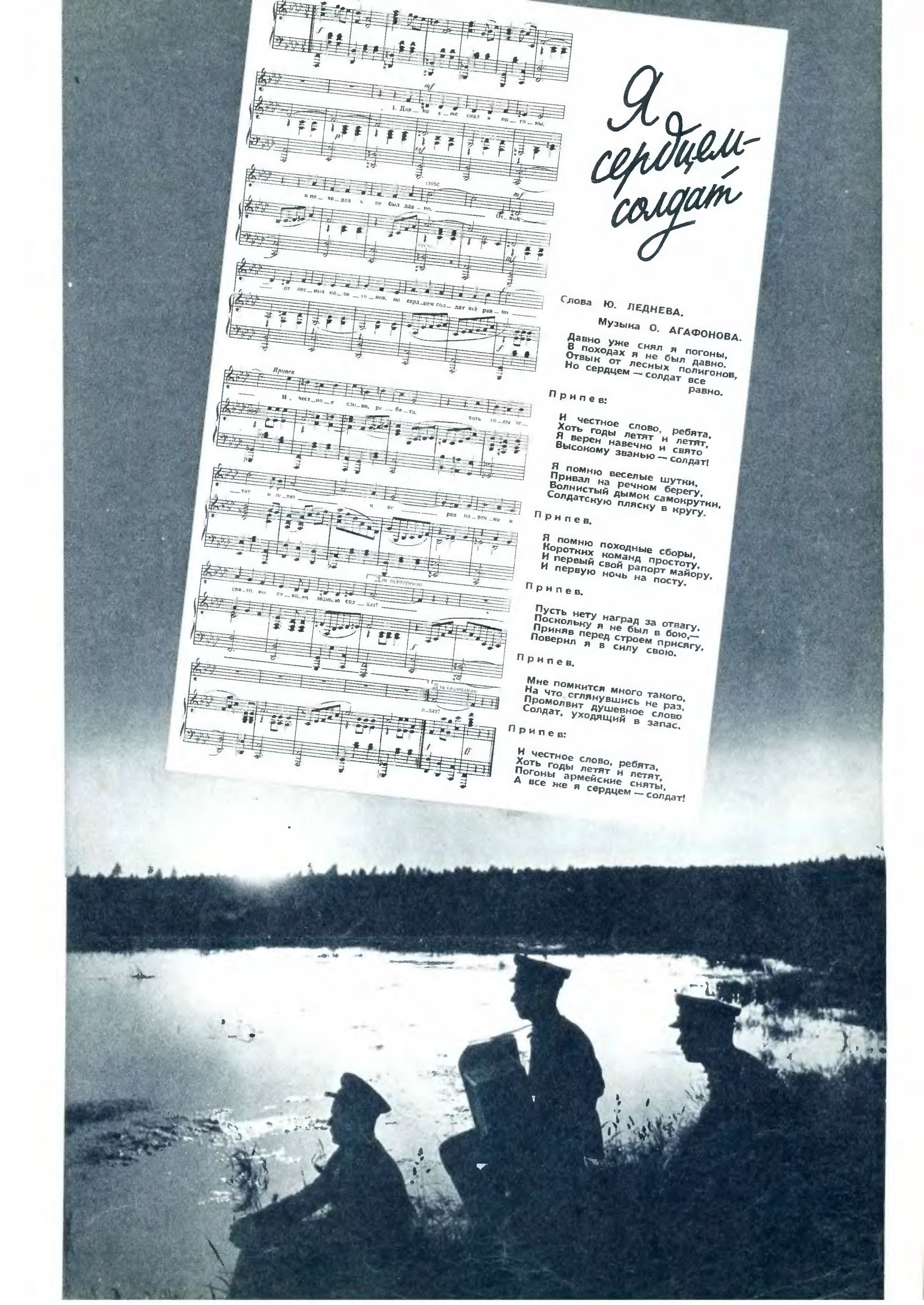
Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: В. Ф. БАРЫКИН, А. С. ВАРШАВСКИЙ, И. П. ГОРЕЛОВ, Л. А. КУДРЕВАТЫХ (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, Т. З. СЕМУШКИН, И. А. УРАЗОВ, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Рукописи не возвращаются. Оформление Л. Шумана.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61; Публицистики и очерка — Д 3-39-27; Информации — Д 3-39-07; Международного — Д 3-38-63; Искусств — Д 3-38-67; Литературы — Д 3-31-83; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-65; Юмора и сатиры — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-38-08; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00730. Подписано к печати 20/II 1957 г. Формат бум. 70 × 108⅛. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 1 200 000. Изд. № 122. Заказ № 305.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Я сердцем — солдат
Слова Ю. ЛЕДНЕВА.
Музыка О. АГАФОНОВА.
Давно уже снял я погоны,
В походах я не был давно.
Отвык от лесных полигонов,
Но сердцем — солдат все равно.
Припев:
И честное слово, ребята,
Хоть годы летят и летят,
Я верен навечно и свято
Высокому званью — солдат!
Я помню веселые шутки,
Привал на речном берегу,
Волнистый дымок самокрутки,
Солдатскую пляску в кругу.
Припев.
Я помню походные сборы,
Коротких команд простоту,
И первый свой рапорт майору,
И первую ночь на посту.
Припев.
Пусть нету наград за отвагу,
Поскольку я не был в бою,—
Приняв перед строем присягу,
Поверил я в силу свою.
Припев.
Мне помнится много такого,
На что сглянувшись не раз,
Промолвит душевное слово
Солдат, уходящий в запас.
Припев:
И честное слово, ребята,
Хоть годы летят и летят,
Погоны армейские сняты,
А все же я сердцем — солдат!

Цена номера 3 руб.